

ВЕЗИРИ
ИЛИ
ОЧАРОВАННЫЙ
ЛАВИРИНѢ.

ПОВѢСТЬ ВОСТОЧНАЯ

ЧАСТЬ I.

Переведена ВАСИЛЬЕМЪ ЛЕВШИНЫМЪ.

въ Москвѣ
Въ Университетской Типографіи.
1779 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго университета Господь Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ Везири или Очарованный ЛавиринѢ, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ, почему она ко удовольствію любителей и напечатана быть можетъ. Коллежскій Советникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ДЕНИСУ ИВАНОВИЧУ
ЧИЧЕРИНУ,
ЕЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА
САМОДЕРЖИЦЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ,
отъ арміи
ГЕНЕРАЛЪ-ПОРУТЧИКУ,
Лейбгвардіи
ПРЕМІЕРЪ-МАІОРУ,
ТОБОЛЬСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ

и Орденовъ
Святаго Александра Невскаго
и Святыя Анны
КАВАЛЕРУ
МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ
Усерднѣйшее приношеніе.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ

Древнее обыкновеніе посвящать труды свои знаменитымъ особамъ каждаго времени, не было единымъ предлогомъ смѣлости, кою взялъ я въ приписаны труда моего Вашему Превосходительству: лучшее намѣреніе управляло желаніемъ пріобрѣсти оному въ Васъ, Милостивый Государь, покровителя; извѣстныя добродѣтели Ваши были сему основаніемъ. И кому бы удобнѣе возмогъ я поднести чувства челоуѣколюбія, великодушія и рѣдкихъ спокойствъ, начертанныя въ сей повѣсти въ особъ Сагеба, кромѣ имръющаго его душу? Пріимите, Милостивый Государь, нелестное признаніе отъ челоуѣка Васъ незнающаго, какъ только по одной славѣ Вашей и дѣяніямъ, удостойте сіе приношеніе Вашего благоволенія, равно и прельщающаго съ покорнымъ почтеніемъ,

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

нижайшаго слугу
ВАСИЛЬЯ ЛЕВШИНА.

Августа 13 дня,
1776 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Написать романъ или повѣсть, обыкновенно считаютъ за толь легкую и малую пещь, что многіе читатели удивятся, видя предисловіе при семъ сочиненіи, угрюмый и важный разсудитель першитъ ее по одному прозванію. Занимать себя случаями силы воображительной, разумѣется у него злоупотребленіе разума. Напротивъ читателя веселаго и живѣйшаго нрава, развернуть ее желательнo, и опредѣлять о ней по препровожденію времени, каковое она имъ доставитъ, мало заботясь о намѣреніи и исполненіи.

Обоимъ родамъ судителей должна я отвѣтствовать. Потому нужно предисловіе, чтобы предварить ихъ возраженія.

Одни идутъ далеко, естли презираютъ съ лишкомъ случаи силы вообразительной, и исключаютъ ихъ совѣсть отъ употребленія разума. Ибо объ душевныя силы, толь точно между собою связаны, что лица безъ силы опредѣляющей будутъ странны и неправильно мѣрны, и сила опредѣляющая безъ лицъ имѣть предѣлы очень тѣсныя.

Когда же напротивъ критики второго степени цѣнятъ дорогія камни только по добротѣ металла, въ коемъ оныя овдѣланы, и все не препоручающее себя выдуманнными прикрасами, считаютъ за игрушку тѣмъ совѣтую я искать въ иномъ мѣстѣ времени препровожденія. Здѣсь нѣтъ вещи по ихъ вкусу.

Только тѣ, у коихъ здравый разумъ съ добрымъ сердцемъ соединенъ щастливо могутъ разрѣшить, коль далеко я сіе говорить могу, понеже они имѣютъ право опредѣлять истинную цѣну дѣяній разума; и, можетъ быть, дозволятъ мнѣ похвалиться, что миновала я камень, на которомъ романо и сказко-писатели часто терпятъ караблекрушеніе.

Иные довольствуются только, собирая по кучу многія блестящія яйца, невѣроятныя приключенія, волшебства и чудеса и скрываютъ намѣреніе свое, естли только оное имѣютъ, въ надменіи словъ. Сочинители таковыхъ трудовъ достойны сожалѣнія. Вредъ, производимый ими, можно изчислить по цѣнѣ, доставшейся на рядъ вѣка нашего.

Другіе имѣютъ лишь намѣреніе посвятить читателей своихъ опаснымъ таинствамъ страстей. Противу сихъ должно насъ одно помышленіе о ихъ ядовитыхъ сочиненіяхъ, при маломъ примѣчаніи на прелестную общелюбную добродѣтель, на всеобщую нужду законовъ и щастіе человѣческаго рода, наполняютъ отвращеніемъ.

Но есть погрѣшности, въ кои и разумные писатели при лучшихъ намрѣреніяхъ не рѣдко впадаютъ; и коихъ я со времени, какъ открылись оныя мнѣ благовременнымъ опытомъ, миновать искала.

Духъ Юношества наиболее занимается удивительнымъ, и не можетъ въ настоящихъ историческихъ истиннахъ найти вкуса. Я читала романы Калпрендовы и Скудеріевы, не коль могла принудить себя я развернуть Куриція или Ливія, а прелести выдумокъ такъ овладѣли силою моего воображенія что я сихъ историковъ на каждой строкѣ обвиняла, что они представили Ироевъ своихъ съ стороны ложной, и такъ какъ желали, ихъ собственныя склонности. Куриція считала я дерскимъ варваромъ, слѣпо повергавшимъ Александра въ толь многія опасности, для снисканія чести завоеваніемъ всего свѣта; когда я увѣрена была, что непреодолимая власть любви принудила его къ тѣмъ опаснымъ подвигамъ. Я чудилась суровой жестокости Ливіевой что могъ онъ смирнаго и щеголеватого Брута обратить въ строгаго стоика и беснующагося Патріота.

Много потребно было лѣтъ, уговорить мнѣ себя, опровергнуть заключеніе мое, и усмотрѣть, что Романо-писателю, черпающему изъ источника

историческихъ истинъ, не позволительно подлинники свои обезображивать и налагать на нихъ краски по собственнымъ мыслямъ; ибо право сіе столько тѣхъ, которые сами доставляютъ своихъ Ироевъ, и слѣдственно по благоизобрѣтенію своему поступать могутъ.

Естьлижъ по подобію повѣсте-писателей дозволить себѣ вольность, то не должно оную злоупотреблять, я особливо въ несправедливомъ представленіи характеровъ. Должно съ чрезъ естественными существами обходиться очень бережно, и не всегда брать къ нимъ прибѣжище, хо. взведенію Ироевъ своихъ, или лучше сказать, самага себя изъ всякихъ опасностей: ибо впрочемъ учинишь суетнымъ Моралическое намъ 23;реніе труда своего; здѣлаешь добродѣтель трусливаго, извинишь пороки, и обвѣсишь разумъ въ снѣ.

Человѣческій духъ отъ природы склоненъ присвоить управленіе невидимымъ силамъ, и не требуетъ дальняго допуски, вѣрять мечтамъ и выдумкамъ, доколь разумомъ возведенъ будетъ на путь истинны. Чрезъ то можетъ произойти, что Юношество несумнѣвающееся о бытіи волшебницъ и духовъ охранительныхъ, въ темныхъ случаяхъ обѣщеваетъ себѣ ихъ благосклонность, и повергается въ опасность, которыя при малѣйшемъ разсужденіи миновать не могло; оно ожидаетъ чрезъестественныхъ дарованій, вмѣсто самоснисканія добрыхъ свойствъ, и наклоненіе къ заблужденію и не осторожности остается во сердцахъ ихъ и тогда, какъ пройдутъ лѣта легковѣрія.

Тѣ, коихъ опредѣлительная сила пришла въ созрѣніе, хотя свободны отъ таковыхъ опасностей, но не имѣютъ выгоды отъ сихъ писаній: для того что не могутъ добрымъ или злымъ дѣйствіямъ, происходящимъ отъ невольныхъ склонностей, цѣны налагать, и не тщатся тайныя мысли сочинителя выискивать изъ среды сплетенія ненатуральныхъ выдумокъ.

Таковыя разсужденія подвигли меня, предлагаемый трудъ основать на истинѣ, я воздвигнуть въ пространствѣ правдоподобія. Ибо когда гдѣ либо и дала ему подобіе чудеснаго, но разрѣшила то въ послѣдствѣ, я доказала, что, когда толь много не современнаго насаждается въ потомство, есть погрѣшность тѣхъ, которые естественныя случая пріемлютъ въ ложномъ свѣтѣ.

Характеры приведенныхъ особъ удержала я такъ, какъ представлены оныя у Персидскихъ писателей, по Дервелотовой Бостонной Вивліюѣикъ. Обычеи сихъ раннихъ временъ были удобнѣе къ намѣренію моему, употребляемыхъ нынѣ Азіатскими народами; тогда еще не были женщины изгнанны изъ человѣческаго общества, какъ послѣдовало, когда Магомедъ ввелъ многоженство, подалъ поводъ къ Сералямъ и ревности, и тѣмъ доказалъ, что умноженіе сокровищъ неупотребляемыхъ, только заботу и скупость производитъ.

Чрезъ Локмана и Зороастра, которымъ восточныя переводы въ сіе время мѣсто опредѣляютъ, хотѣла я выполнить дѣйствія добрыхъ и злыхъ духовъ, не впадая во вышеозначенныя погрѣшности. Премудрый и милостивый, ученый и злобный, могутъ очень удобно наполнить мѣста оныхъ существъ неимѣя толь тиранскихъ вліяній на человѣка, чрезъ что всякая заслуга отпадаетъ.

Злой Везирь Гиамавъ жилъ дѣйствительно; дурныя дѣйствія его дѣла бывшія. Сагѣбъ и преизящныя свойства его совѣмъ моего изобрѣтенія. Въ семь я не запираюсь; но не хочу надѣяться чтобъ добраго Везира могли почестъ неподобнѣею правдѣ частію сей повѣсти.

Я испрашиваю склоннаго пропущенія читателя въ мѣстахъ, гдѣ удалилась я отъ порядка нарѣчія: да благоволитъ онъ припомнить, что восточный слогъ, коему я подражать должна, не можетъ состоять безъ непрестанныхъ уподобленій и аллегорій.

ВЕЗИРИ
или
ОЧАРОВАННЫЙ
ЛАВИРИНѢЪ.

Логоразвъ {Логоразвъ былъ четвертый Царь Каяніанскаіо отродія, считаемаго второю Династіею Персидской Монархіи. Европейцамъ кажется онъ мало свѣдомъ, что должно приписать миролюбивымъ его расположеніямъ и кроткой жизни, всю проводялъ онъ въ Восточной части неизмѣримаго своего государства.

Сіе и послѣдующее взято изъ д'Ергелота, и объясненія поставленныхъ во введеніи въ повѣсть Шаха Надира, и включено здѣсь для читателей, коимъ Персидскія писателя не свѣдомы.}, Царь Персидскій, который по сложеніи короны прозванъ Царскимъ пустынникомъ, описывается отъ Персидскихъ повѣствователей отмѣнно добрымъ Монархомъ, коему небо величайшія благословенія низпослало. Царствованіе его было послѣдство благополучій. Миръ разпростеръ крыль свои надъ всѣмъ пространствомъ его владѣнія; подданные любили его и боялись; и съ супругою своею, коя столько же была добродѣтельна, какъ и прекрасна, родилъ онъ двухъ сыновъ, составлявшихъ честь своихъ временъ и гордость дней его.

Оба Царевичи сіи, Гистаспъ и Цериръ называвшіеся, природою обогащены были лучшими дарованіями, и воспитаніемъ достигли высочайшихъ совершенствъ. Они казались при дворѣ Гератскомъ, яко возшедшія щастливья созвездія Азіи. Однако юныя сердца ихъ на верьху величества своего, и посреди текущихъ удовольствъ, угнетались тяжкою рукою сокрытой скорьби. Долго бремя оныя не свѣдомо было, кромѣ взаимнаго дружества; но на послѣдокъ открыли его проницательныя очи матерней любви.

*Въ одинъ день, когда Гистаспъ и Цериръ гуляли въ саду Царицыномъ, вошла сія нѣжная мати въ бесѣдку, въ которую ушли они, сѣла близъ ихъ, и съ сожалительными взорами состраданія, говорила сынамъ своимъ слѣдующее: Мнѣ довольно извѣстна причина грусти вашей, любезныя дѣти.-
- Нѣжныя сердца ваши чувствуютъ предпочтеніе, отдаемое отцомъ вашимъ*

Гіамаспу и Кобаду, тѣмъ больше, что заслуги сихъ Принцовъ въ сравненіи съ совершенствами вашими, какъ тѣнь въ сравненіи съ свѣтомъ. Однакожъ сіе вамъ не естественнымъ кажущееся пристрастіе заслуживаетъ ваше почтеніе; ибо оное основано на благопристойности.

По унынію вашему примѣчаю я, что доднесь слушали вы звонъ ласкательствъ нынѣжъ время вамъ послушать гласа истинны.-- Внимайте, я вразумлю васъ.

Царство Персидское было бы въ рукахъ вашихъ двоюродныхъ братьевъ, есть ли бы шло по праву наслѣдства, и право Царя не утверждалось въ собственномъ разумѣ на выборѣ народа; ибо сіе возвело Лосоразва на престоль по смерти брата его. Умирающій Кайхоэру {Кайхоэру, есть въ греческой повѣсти толь извѣстный Киръ великій.} освященный въ приближеніи своемъ къ вѣчному царству, предузрѣлъ возвышеніе Логоразва, и просилъ его имѣть, къ дѣтямъ своимъ отеческую любовь, дабы замѣнить тѣмъ потери Имперіи.

Сіе основаніе склонности, оказываемой Царемъ Гіамаспу и Кобаду; за тѣмъ что не взирающій за предѣлы, cadaго добродѣтели предписываемые, можетъ удобно введенъ быть въ заблужденіе. Между тѣмъ уподобляется таковое заблужденіе только малому облачку на ясномъ небѣ, и вы имѣете болѣе причины радоваться о величій отца вашего, чѣмъ скорбѣть о единой погрѣшности онаго, коя по щастію только на однихъ васъ упадетъ. Но понеже бодрствіе ваше еще слабо для предпріятія сего, то послѣдуйте хотя совѣту, который желаю я сообщить вамъ по вліянію неба.

Возмите жизнь твердаго вознамѣренія, и направте стопы къ очарованному Лавиринѣу, воздвигнутому духами хранителями по желанію славнаго Локмана {Локманъ съ Езопомъ, Пильпаемъ и почти со вѣсьми мудрыми и праведными мужами нѣкихъ вѣковъ, кои онъ по преданіямъ, чуднымъ препровелъ образомъ, смѣшонъ. Ему отъ Персовъ прилагается сновидѣніе, равное тому, явное имѣлъ Соломонъ, и думаютъ они, что пріобрѣлъ онъ славу и величество, предавъ себя премудрости. Утверждаютъ же они, что им 123;ль онъ близкое обхожденіе съ духами хранителями, коихъ считали за средній родъ между божествомъ и человекомъ, и была у нихъ общія пословица: кто осмѣлится наставлять Локмана?}. Вы обрѣтете тамъ возвышеннаго мудреца, коему Всемогущій подалъ премудрость, почитаемую отъ самихъ безплотныхъ, и силу, коей природа повинуется. Удостоится его покровительства, и онъ отъиметь изъ дней вашихъ сосудъ горести, или смѣситъ оныя съ сладостію своего благоволенія и своихъ наставленій.

Между тѣмъ отсутствіе ваше возпламенитъ опять любовь родительскую: -- Когда ваша собственная правота покроется пепломъ равнодушія, тогда паръ боязненнаго попеченія о благѣ вашемъ, скоро возгорится. Сокройте намѣреніе пути вашего; не нужны вамъ провожатели; нѣжное соединеніе и добродѣтель ваша есть крѣпчайшая и лучшая стража. Я одна предостанусь

стрѣламъ сѣтованія, но я отражу ихъ мыслями будущаго вашего благоденствія.

Воображеніе знающихъ только свое отечество, замыкается въ самой узкой сферѣ, но тѣ, коихъ понятія простираются чрезъ четыре части сего обширнаго пространства міра, собираютъ познанія, разумъ ихъ возвышающія и въ совершенство приводящія. Не путешествовавшій уподобляется алмазу необдѣланному, только вышедшему изъ недръ земли, который хотя имѣетъ внутреннее сіяніе, но непривлекаетъ, и чуждое ему обдѣланіе производитъ блескъ его.

Принцы исполнены почтенія принесли благодарность Царицѣ, приняли отъ ней нѣжное благословеніе, и возвратясь въ чертоги, приготовлялись къ отъѣзду. По утру снабдили себя камнями величайшей цѣны, сѣли на преизрядныхъ коней и оставили городъ Гератъ {Гератъ называется у Грековъ Арія, и провинція Харазанъ, въ коемъ онъ столичный городъ нарицается у нихъ Бактріяною.}.

Путь ихъ былъ щастливъ. Ясное обращеніе дружелюбія прогоняетъ облаки скуки, равно умѣренному весеннему солнцу. Различность мѣстоположеній и предметовъ, былъ имъ неизчерпаемый источникъ къ разсужденіямъ. Разность ихъ мнѣній подавала основаніе къ пріятному жару, однакожъ чистосердечная склонность ихъ удерживала пламень спора въ надлежащихъ предѣлахъ.

Когда Гистаспъ и Цериръ приблизились къ прелестнымъ мѣстамъ Іемена {Іемень та часть Аравіи, кою мы называемъ Щастливою.}, въ коихъ обиталъ Локманъ, напала на нихъ жестокая буря, и въ наставшую за тѣмъ ночь сбились они съ пути въ темнотѣ. Гистаспъ отяготѣвшій усталостію, хотѣлъ дожидаться дня, но прозбы нетерпѣливаго Цирера, склонили его продолжать шествіе.

Вскорѣ вспали они на толь узкій проѣздъ, что принуждены были съ коней сойти; они поручили вѣрныхъ возниковъ своихъ провидѣнію, и не взирая на свистъ змей, вой Гіеннъ, и удары трясущейся земли, шли не ужасаемо, утѣшая и ободряя себя взаимно гласомъ склонности и помогающей рукою нѣжныя заботы.

Молодые Царевичи отвратя препоны труднаго пути, увидѣли на послѣдокъ свѣтъ, приведши ихъ къ огромному Каравансараяу {Не многимъ читателямъ не свѣдомо, что Каравансарай есть открытая гостинница, гдѣ путешествующіе угощаются безъ платы.}, освѣщенному тысячею факеловъ, у коего на передней стѣнѣ читали они надпись: Ни усталость, ни опасности не бываютъ не побѣдимы любви братней.

Гистаспъ и Цериръ очень удивились словамъ, толь съ состояніемъ ихъ согласующимся, не меньше и ободрились оными, и безъ размышленія постучались въ дверь, кою имъ тотчасъ отворили.

Они приняты разными невольниками обоихъ половъ, и приведены къ мужу величественнаго вида, который привѣтствовалъ ихъ слѣдующимъ:

Царевичи! вы возпріемлены въ домъ посвященномъ подвигамъ и бодрствованію, и который есть прибѣжище, оказавшимъ опыты сихъ добродѣтелей.

Естьли бы вы до разсвѣта остались въ лѣсахъ, то въ сей боязливой нерѣшимости больше бы претерпѣли зла, чѣмъ отъ затрудненій васъ окружавшихъ, кои вы побѣдили, вы получите не токмо упокоеніе доставляемое вамъ симъ домомъ, но и наставленіе, чрезъ кое вамъ опытъ Лавиринѳа можетъ быть полезенъ. Но какъ между тѣмъ природа человѣческая имѣетъ нужду по трудахъ въ покоѣ, то шествуйте къ мѣсту, гдѣ приготовлены для васъ прохладенія. Я между тѣмъ поговорю съ Принцессою, коя превозмогла слабости своего пола, и не меньше васъ оказала себя мужественною.

Послѣднія слова возбудили любопытство Церирова; онъ не хотѣлъ пропустить случая оное удовольствоваться. Гистаспъ примѣтилъ въ очахъ его неодуманную прозбу, которая была уже на устахъ его, и взявъ руку его, ведѣлъ вести себя въ назначенную комнату.

Чрезъ два часа возвратились они къ своему ласковому хозяину. Сей посадилъ ихъ близъ себя на софу, и говорилъ слѣдующее:

Знайте Царевичи, что вы при восхожденіи солнца явитесь предъ Локмана. Вѣдайте при томъ, что тогда откроется Лавирниѳъ къ ежегодному опыту тѣхъ, кои приходятъ вопрошать мудраго о совѣтѣ, и прежде, нежели дозволить имъ входъ, требуетъ онъ отъ нихъ точнаго свѣденія о жизни ихъ и намѣреніяхъ.

Потому имѣю и причину васъ испытать, не находится ли въ васъ чего нибудь чистосердечію сему препятствующаго. Чрезъ опытъ Лавиринѳа и малѣйшая ложь открывается, и быветъ явнымъ стыдомъ наказуема. Невѣдущіе о семъ, неразсуждающіе, что мракъ обмана не дерзаетъ приближаться пронзающимъ лучамъ прозорливости, и ищущіе за тѣмъ провести мудраго, предають себя сами.

Сей возвышенный между всѣми смертными ко отвращенію злыхъ слѣдствъ пренебрегаемаго добра, здѣвалъ чудное таковое учрежденіе: ибо хотя окруженъ онъ тьмами небесныхъ духовъ, но не всегда имѣетъ дарованіе, познавать сокровенныя сердцъ; власть всевѣдущая сообщаетъ даръ сей чистѣйшимъ тварямъ своимъ, только въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Впрочемъ представляетъ иногда достигать того самимъ щастливыми опытами.

Когда по сему языкъ вашъ будетъ управляемъ истинною, возрадуетесь вы, возвращаясь изъ Лавиринѳа, неся подтвержденіе словъ вашихъ, и пріобрѣтя покровительство премудраго. Употребите совѣтъ сей, заслуженный мужествомъ вашимъ на пути сюда ведущемъ въ пользу, и будьте

примѣчательны къ наставленію сообщаемому всѣмъ допускаемымъ на опытъ.

Лавиринѣ состоятъ изъ толикаго числа дорогъ и закоулковъ, сколько цвѣтовъ для сего намѣренія назначенныхъ, и каждая дорога по обѣимъ Сторонамъ осажена цвѣтами одинакаго рода. При входѣ во оный подадутъ вамъ по корзинѣ изъ сплавленныхъ металловъ съ Героглифическимъ знакомъ въ крышкѣ. Въ сіи корзины слѣдуетъ вамъ класть цвѣты, кои имѣете вы рвать симъ порядкомъ.

Входя на дорогу, должно вамъ сорвать цвѣтокъ на правой сторонѣ и положить въ корзину, впрочемъ вы никогда не найдете выхода. Иногда одного цвѣтка бываетъ не достаточно для выступленія назадъ; и когда потому усмотрите, что опять зашли въ глухіе закоулки, слѣдуетъ вамъ сорвать цвѣтокъ на лѣвой сторонѣ, и въ то мгновеніе, какъ выдете на другую дорогу, слѣдуешь вамъ наблюдать тоже предписаніе, и продолжать,-- до коль достигнете: сѣни посвященной правдѣ.

Прекрасные юноши, хранители святаго мѣста сего, возьмутъ отъ васъ корзины,-- и оставятъ васъ ходить въ семь соборѣ восхищеній, ноколь опыты кончатся, и всѣ, надъ коими оныя произведены, соберутся.

За тѣмъ нѣтъ уже болѣе затрудненій. Вы выдете изъ Лавиринѣа путемъ состоящимъ изъ высокихъ деревьевъ и украшеннымъ множествомъ истукановъ. Истуканы сіи представляютъ особъ, бывшихъ до того въ Лавиринѣѣ, и прославившихся своими добродѣтелями, или коихъ жизнь представила роду человѣческому важныя ученія.

Премудрый Локманъ пріиметь и разкроетъ корзины ваши, и по находящимся въ оныхъ цвѣтамъ увѣдаетъ ваше предопредѣленіе. Что лежитъ до таинствъ Лавиринѣа, то не позволено мнѣ вамъ открывать о томъ; благодѣтельный мудрецъ оказываетъ благосклонность сію, только по разсмотрѣнію его оную заслуживающимъ.

Намъ должно какъ въ семь, равно и въ иныхъ случаяхъ подвергаться его волѣ, сказалъ Цериръ, но осмѣливаюсь спросить, объявите мнѣ, будетъ ли Принцесса, о которой вы упомянули, въ сѣни правды.

Кто ищетъ щастія на единомъ истинномъ пути, на пути добродѣтелей, отвѣчалъ почтенный старецъ, тотъ долженствуетъ противиться первому нападенію безпокойныхъ страстей.

Отъ сего справедливаго выговора лице Церирова покрылось краскою стыда; но вдругъ звукъ барабановъ и трубъ возвѣстилъ открытіе Лавиринѣа, по чему спѣшилъ онъ съ братомъ своимъ въ палаты Локмановы.

Мудрецъ принялъ обоихъ Принцовъ дружественно: ибо невинность жизни ихъ оказывалась въ ясности лицъ и простотѣ словъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ не знали они еще силы страстей, и сила сія одна только, коя во первыхъ совлекаетъ человѣка съ стези правоты, и за тѣмъ отъ пути добродѣтелей; и такъ по елику страсти въ юныхъ сердцахъ ихъ не дошли

еще зрѣлости, то нарвали они въ дорогахъ Лавиринѳа одни только не развернувшихся цвѣтовъ головки.

Различныя красоты сего воображающагося мѣста, не совсѣмъ привлекали къ себѣ мысли Цериры; поспѣшно приближался онъ сѣни правды, ласкаясь, наитить тамъ Принцессу, возжегшую въ мысляхъ его огонь любопытства, но вкусилъ только отчасти удовольствіе себѣ обѣщаемое. Величественный и щедрый видъ, непринужденная походка и прекрасная рука, были одни прелести, коимъ онъ въ сей Принцессѣ удивлятися могъ. Лице ея закрыто было покрываломъ, вышитымъ серебромъ по шелковому, котораго блескъ ослѣплялъ глаза на нее взирающихъ.

Написанное на корзинѣ ея имя Перизада {*Отъ Перисъ, прелестнаго пола добрыхъ духовъ хранителей.*} могло дополнить, сокрытое въ лицѣ, естли бы ласкательство, коимъ обыкновенно окружаютъ знатныхъ, не дѣлало сумнительнымъ свидѣтельство о красотѣ ея. Но разсужденіе таковое не входило и въ мысль Цериры; онъ вѣрилъ слѣпо своимъ желаніямъ, и сердце его билось отъ пріятныхъ ожиданій.

Когда сила воображенія по часту сильна бываетъ, доставить прелести предметамъ, кои совсѣмъ оныхъ не имѣютъ; коль должно возрасти ихъ крѣпости, когда прелестей сихъ дѣйствительно ожидать можно. Цериръ употребилъ живѣйшую его кисть, къ написанію для духа своего совершеннѣйшей красоты. Но какъ скоропостижная и пламенная любовь принца основывалась не на однихъ мечтательныхъ представленіяхъ; то открылъ онъ въ ней и совершенства разума, которыя утверждаютъ любовь не на толь зыбкомъ основаніи; и прежде оставленія Лавиринѳа, былъ онъ снабженъ всѣми извиненіями, каковыхъ только желаетъ жестокая страсть.

Хотя Локманъ посвятилъ себя уединенію и премудрости, и презиралъ богатство, но думалъ быть обязаннымъ, обращать часть жизни своей къ добру человѣческаго рода, показывая великолѣпіе свое, чтобы привлечь глаза многого народа, умножить ихъ удивленіе и привлечь чрезъ то сердца ихъ.

Онъ сидѣлъ на золотомъ украшенномъ множествомъ дорогихъ камней престолѣ; одежда его была бѣла, какъ чистѣйшій снѣгъ, и въ почтенномъ лицѣ его, щастливо соединились величество и милость. Тысяча юношей, коихъ Персидскіе писатели признаютъ за столько охранительныхъ духовъ, окружали его; летающія ризы ихъ имѣли смѣшенныя цвѣты радуги, лица ихъ были полны мѣсяцы, и взвѣвающіяся локоны волосъ испускали избраннѣйшія ароматы Аравіи.

При открытіи премудрымъ корзинъ, Цериръ съ немалымъ удивленіемъ примѣтилъ, что цвѣты, кои онъ сорвалъ въ пучкахъ, совсѣмъ разцвѣли. Онъ устремилъ тотъ часъ боязненный взоръ на корзину Перизадину, и искалъ по симпатіи ея вкуса, или разнообразія судьбы ея извлечь благосклонное себѣ предзнаменованіе. Успокоеніе его было чрезмѣрно, когда увидѣлъ, что

большая часть нарванныхъ имъ цвѣтовъ были тогожъ рода, какъ и его, но оно возшло бы гораздо далѣе, если бы свѣдома ему была тайна ея открытія.

Локманъ испыталъ корзины, и какъ ему роды, краски и видъ разныхъ цвѣтовъ, подали нужное свѣденіе, то обратился онъ къ Цериру и Гистаспу, и сказалъ имъ: Принцы, нѣжный возрастъ вашъ большую часть совѣтовъ, кои я вамъ подать могу, учинить недѣйствительными: извѣданіе есть истинный водитель человѣка; а разумъ только проводникъ его. Искусный садовникъ необрѣзываетъ ветвей деревъ своихъ, когда лишъ оныя отпрыскиваютъ; онъ ждетъ, пока они вліяніемъ погоды отпрыснутъ столько, какъ удобны будутъ ко украшенію сада принять способный видъ; и тогда пріемлетъ онъ пользу отъ своихъ насажденій. По сему довольно на сей разъ сказать вамъ въ наставленіе и предосторожность, что Цериръ не будетъ щастливъ, до коль овладѣетъ нужнымъ свойствомъ души, коего сѣмя можетъ быть лежитъ въ сердцѣ его скрытое; и Гистаспъ выдержитъ цѣпь противностей, до коль чрезъ нихъ научится, и познаетъ погрѣшность, которой самолюбію налагаетъ хотя похожее, но ложное именованіе.

Принцесса Перизада не достигнетъ щастія заслуживаемаго преизрядствомъ ея нрава, по коль поправить излишество одной добродѣтели своей, коихъ она толь много въ себѣ имѣетъ.

Когда вы чрезъ нѣкоторыя добровольныя дѣянія, въ разсужденіи трехъ сихъ пунктовъ такъ себя окажете, какъ желаю я васъ видѣть, то щастіе дней вашихъ твердо постановится, увидимся мы опять въ сихъ палатахъ, и въ доказательство моей склонности объясню я вамъ чудеса оныхъ. Между тѣмъ дозволяется вамъ предложить желаніе, и если оно будетъ васъ и меня достойно, надѣюсь я, что будетъ услышано.

Отъ сихъ словъ пришелъ Цериръ во искушеніе, желать, чтобъ пріобрѣлъ онъ любовь Перизады; но тотчасъ одумался и покраснѣлся, помысля о униженіи, коему подвергаетъ себя человѣкъ ищущій чрезъестественной помощи, въ вещи на единыхъ заслугахъ утверждаемой. Какъ понятіе о нашихъ собственныхъ истинныхъ достоинствахъ часто приводитъ васъ къ лучшимъ заключеніямъ, то пожелалъ Цериръ, если Царь, родитель его, по долгой и щастливой жизни оставить ему бремя правленія, имѣть себѣ Везиря, одареннаго премудростію и добродѣтелями, въ коемъ бы онъ обнадеженъ былъ, посредствомъ сей благополучной помощи на любовь и повиновеніе своихъ подданныхъ, получить пристойное и нелестное право.

Гистаспъ, коего мысли не таковы были тонки, какъ братнины, желалъ себѣ соединенія съ Принцессою, толь же добродѣтельною, какъ и прекрасною, не имѣя затрудненія получить щастіе сіе послѣ безпокойнымъ ожиданій.

Желанія Перизады, кои предложила она съ робкимъ голосомъ скромности, относились къ тому, чтобы она предметъ полный заслугъ, могла любить со всею горячностію и постоянствомъ благороднаго и

возвышеннаго сердца. Сіе великаго свойства мыслей премудрыхъ, толь соразмѣрное желаніе получило одобреніе; не меньше и хотѣнія обоихъ Царевичей не безъ благосклонности приняты.

По окончаніе опыта Лавиринѳа, пригласилъ Локманъ свѣтлѣйшихъ гостей своихъ къ великолѣпному и удивленія достойному позорищу. Тысячи юношей ожидающихъ его мгновенія, открыли имъ всѣ чудеса природы, всѣ таинства, художества и науки, кои неутомимая прилѣжность человѣковъ мало по малу изобрѣла.

Они показали имъ чудные дѣйствія силы электрической, и свѣтлыя искры нынѣ толь вредной селитры. Вода производила звоны обитателей воздуха, и птицы голосъ человѣческой. Они прошли всѣ роды музыки, кои издавна приняты разными вкусами народовъ, соединили живое и пріятное, смѣлое и величественное, тихое и трогательное, и составили тѣмъ отмѣнно обворожившій концертъ. На театрѣ украшенномъ выборомъ и изрядствами, играли прекрасные юноши комедіи и трагедіи, и доказали въ обоихъ возможность глубокаго познанія страстей и тонкихъ начертаній чувствованій соединять съ пріятными выдумками силы вообразительной.

Чудеса сіи, коими Гистаспъ занимался, не могли оковать примѣчанія Церинова, развѣ согласовались они съ упражненіями его фантазіи. Потѣшные огни казались ему тусклы противу чаемыхъ лучей закрытыхъ глазъ Перизадиныхъ; огонь чувствуемый имъ въ его жидяхъ, при прикосновеніи къ ея платью, казался ему настоящимъ огнемъ электрическимъ; голосъ ея былъ одно согласіе во ушахъ его, и въ словахъ ея замыкалося всякое совершенство и разумъ. Иногда припоминалъ онъ себѣ конечно, что долженъ онъ Локману данію удивленія и похвалы, но сіе случалось тогда только, когда Принцесса удалялась, принять прохладженія, чего за своимъ покрываломъ не могла дѣлать при всѣхъ, и когда она возвращалась, тогда забывалъ онъ свѣтъ и самаго себя.

Уже была глубокая ночь, когда Царевичамъ отведена преизряднѣйшая опочивальня; тамъ Цериръ лежа на постелѣ, проходилъ въ мысляхъ посреди волнованія новозачавшейся любви своей, всѣ явленія, кои видѣлъ онъ и слышалъ.

Во перьвыхъ вспало ему Перизадино желаніе. Ахъ! говорилъ онъ, Принцесса моя, весь пламень любви моей видѣла изъ глазъ моихъ, и она желаетъ любить! Но безъ сумнѣнія считаетъ меня недостойнымъ живѣйшей склонности, которую желаетъ имѣть къ предмету сіе заслуживающему -- Но зачѣмъ таковое мучительное воображеніе! Завистное ея покрывало хотя утаило божественные ея взоры, но нѣжная переменна голоса ея, при разговорѣ со мною, не есть ли благосклонное предзнаменованіе? Огонь ея съ пылающимъ въ сердцѣ моемъ пламенемъ, яко существо одинакаго рода соединялся; ни что, кромѣ врожденной осторожности полу ея, не дѣлаетъ счастья моего сумнительнымъ. Самая прозба ея къ премудрому больше

возвышает надежду мою, чѣмъ подавляетъ. Истинный любовникъ не мыслить, что любить онъ довольно; сіе есть примѣтою жестокой любви его; и прелести удостоившіяся наименованія прекрасной души, заслуживаетъ, чтобы ихъ обожать.

Ласкательное представленіе не обманываетъ меня! Завтра узнаю я судьбу мою. Но ахъ! кто обнадежитъ меня, что утренній день облегчитъ мои печали? Во упоеніи моихъ чувствъ пробѣжалъ я всѣ будущія мои намѣренія.. Увижу ли я сію свѣтлую звѣзду жизни моей? Достигну ли я утраченного случая, освѣдомиться, въ которомъ щастливомъ небоположеніи она сіяетъ? Да, сострадательный Локманъ будетъ мнѣ въ томъ помощію; милости его не оставитъ гостя своего отѣхать въ отчаяніи.

Сія послѣдняя мысль возвратила покой въ душѣ влюбленного Царевича; сонъ слѣдовалъ за сею пріятною предшественницею его услажденій; но хотя закрылись очи его, не могъ однако покорить онъ себѣ души своей, ибо спутники ея, сномечтанія, подвергли себя страстнымъ его воображеніямъ.

Таковая щастливая промежка была нужна несчастному любовнику, на коей премудрый утвердилъ своды боязненной неизвѣстности; понеже довольно вѣдалъ, что неудовлетворенныя страсти и себя отчужденіе, должны вести юность къ премудрости и величію.

Едва отверзло утро врата сіяющему свѣтилу міра къ возобновленію его теченія, Цериръ кликнулъ служащихъ ему невольниковъ, и спросилъ, можетъ ли онъ видѣть принцессу Перизаду, и позволится ли ему отдать поклонъ премудрому,

Нашъ преизрядственный господинъ, отвѣтствовалъ одинъ изъ оныхъ, оставилъ здѣшнія палаты, и прежде года не возвратится. Онъ повелѣлъ намъ вамъ услуживать, естли пожелаете вы здѣсь остаться, или въ случаѣ, когда похочите вы возвратиться ко двору Царя родителя вашего, который ставъ возбужденъ вашимъ отсутствіемъ, сердечно желаетъ вашего возвращенія, то снабдитъ васъ обоихъ лучшими конями.

А Принцесса? вскричалъ Цериръ.

На самомъ разсвѣтѣ оставила она сіе мѣсто, отвѣтствовалъ невольникъ.

При словѣ семъ Цериръ пораженный горестію, упалъ на софу.

Который путь избрала Перизада? спросилъ Гистаспъ. Скажи, въ которой землѣ она владычествуетъ?

Я не могу отвѣчать на вопросъ сей, продолжалъ невольникъ съ холодностію; наша должность, гостямъ господина нашего служить въ дѣйствительныхъ надобностяхъ, а не для удовлетворенія ненужнаго и нескромнаго ихъ любопытства.

Дерзкой бездѣльникъ! вскричалъ Цериръ, вскоча въ безмѣрной ярости и выхватя свою саблю. Хотя бы защищали тебя тысяча духовъ хранителей, хотя бы ты былъ самъ изъ нихъ; то не убѣгнешь наказанія, заслуживаемаго

твоимъ безстыдствомъ, естли въ сіе мгновеніе не скажешь, гдѣ могу я найти Принцессу Перизаду.

Гистаспъ ужаснувшійся запальчивости братней, схватило его за руку, а невольникъ между тѣмъ отступя нѣсколько шаговъ отъ Царевича, принялъ насмѣшливый видъ, и сказалъ: я поспѣшу къ Принцессѣ Перизадѣ, увѣдомить ее о такомъ свирѣпомъ любовникѣ. Съ словомъ симъ побѣжалъ онъ вонъ.

Огорченный Цериръ вознамѣрился препятствовать дѣйствию его угрозъ, и надѣялся при томъ погоней за невольникомъ, узнать дорогу избранную Принцессою; онъ схватилъ первую лошадь, кою ему подали и Гистаспъ слѣдовалъ за нимъ.

Царевичи гнались за удаляющимся, который быстрѣ бѣжалъ вѣтра, цѣлыя двои сутки; поколи напоследокъ кони ихъ обезсиленные голодомъ и усталостію, пали мертвы посреди ужасной пустыни.

Случай сей лишилъ Церира послѣднихъ надеждъ; его дотолѣ неустрашимая мысль не могла уже подкрѣплять изчерпанныя жизненные духи, и онъ остался, по видимому, бездыханенъ, простертый на песку,

При взорѣ семъ Гистаспъ ощутилъ несказанный страхъ, видя, что не можетъ подать помощи любезному своему брату; онъ омывалъ блѣдное лицѣ его нѣжнѣйшими слезами. Наконецъ открылъ Цериръ облеченныя отчаяніемъ глаза свои, и изрекъ дрожащимъ и слабымъ голосомъ:

О жестокій Локманъ! я искалъ тебя для обрѣтенія щастія, и нашель источникъ бѣдствъ.

Не заключай такъ дерзко, другъ мой, сказалъ Гистаспъ. Оплотъ препятствующій нашимъ желаніямъ, не всегда располагается такъ, какъ представляютъ намъ наши страсти. Милости премудраго извѣстны цѣлому свѣту; то будетъ ли онъ жестокъ противу насъ однихъ? Всемѣрно имѣетъ онъ свои мудрыя причины, для коихъ разлучилъ тебя съ Принцессою; можетъ желаетъ онъ учинить тебя болѣе ея достойнымъ, и ваше предъидущее соединеніе утвердится напостоянствѣ и великихъ подвигахъ, вливаемыхъ возвышенною любовію.

Нѣтъ, нѣтъ, подхватилъ Цериръ, толь отдаленной и неизвѣстной надеждѣ не могу я дать мѣста.

Останьтесь по меньшей мѣрѣ при оной, говорилъ Гистаспъ, поколь объѣздимъ мы всѣ государства въ Азіи, и станемъ стараться вытти изъ сей пустыни; она недостойный гробъ сынвмъ Логоразва.

Слова сіи возбудили Церира изъ его усыпленія, но желаніе его, слѣдовать совѣтамъ братнимъ, и пользоваться его помощію, было тщетно, ибо силы его оставили.

Любезный Гистаспъ, сказанъ онъ, я изнемогъ, снѣдающій огонь пожираетъ меня, но естли бы имѣлъ я хотя каплю воды упадающей съ сей каменной стремнины, можетъ бы удержалъ я жизнь мою.

Я лечу, вскричалъ Гистаспъ, почерпнуть сей целебной воды; дай небо! чтобъ я всѣ твои желанія толь легко исполнять могъ. Послѣ сего обратился онъ на шумъ низпадающаго потока, и вшедь въ пещеру, гдѣ вода собиралась въ обширное и моховатое зборище. Онъ снялъ турбанъ свой для употребленія вмѣсто сосуда; но вдругъ изъ внутренняго отверстія *пещеры горькой*, выскочила толпа разбойниковъ, повлекла его и удалилась.

Гистаспъ при семъ ужасномъ случаѣ чувствовалъ нестолько для себя, какъ для любезнаго брата, коего состояніе приводило ему въ забвеніе собственное. Часто имя Цериръ было на устахъ его, часто искалъ онъ искры сожалѣнія на глазахъ сихъ варваровъ; коихъ сталъ добычею, но по напрасну. На конецъ поручилъ онъ брата своего провидѣнію, ибо стараясь подать ему хотя мгновенную помощь,-- опасался подвергнуть опасности вольность, или и самую жизнь его.

Цериръ между тѣмъ, долго ожидая возвращенія Гистаспова, началъ беспокоиться. Прибавляющійся страхъ умножилъ силы его, онъ всталъ, вошелъ въ пещеру, и искалъ тамъ выхода изъ пустыни; каменные утесы отражая разносили повтореніе имени Гистаспова, и болѣзненные восклицанія.

О мой единственный другъ! вопіялъ онъ, гдѣ ты? такова первая наша разлука. Небо! коль она ужасна! какой опасности подвергъ я тебя? за чѣмъ отпустилъ я тебя прочь? Наше соединеніе, была наша крѣпость; лютый звѣрь напалъ тебя безъ брата, которому должно умереть тебя защищая, и онъ сожралъ тебя! Помощь, кою ты искалъ мнѣ подать, тебѣ неудачна, ты потерялъ жизнь свою, желая удержать мою; но раскаяніе мое и дни мои не продолжатся. Когда ты нашелъ гробъ свой въ дикомъ звѣрѣ, я раздѣлю съ тобою сіе страшное обиталище, въ казнь, что предоставилъ тебя слѣдствіямъ изступленія страстей моихъ.

Въ семъ трепетѣ скорѣби и отчаянія провелъ Цериръ день и слѣдовавшую ночь. Иногда продирался онъ свирепо сквозь терновыя кусты, препятствующіе его исканію, а иногда задыхался въ пыли.

Когда утро облекло голубое небо живоцвѣтною порфиною, услышалъ Цериръ зовущій его громкій голосъ. Звукъ сей оживилъ его надежду, онъ побѣдилъ еще разъ слабость свою, и старался итти въ встречу человѣку, коего торопныя взгляды и скорыя шаги, оказывали ревность и доброжеланіе.

Кто бы ты ни былъ вскричалъ онъ, существо вышеестественное или слабый смертный, какъ и я; скажи, ахъ! скажи, долженъ ли я послѣдовать брату своему въ мрачное царство мертвыхъ, или долженъ я жить, купно съ нимъ пользуясь свѣтомъ.

Живи Царевичъ, отвѣтствовалъ незнакомый, живи избавить Гистаспа. Онъ самъ посылаетъ меня, помочь тебѣ изъ сего печальнаго мѣста; иди освободить его изъ подлыхъ и варварскихъ рукъ.

Ахъ! вскричалъ Цериръ, побѣжимъ къ нему! гдѣ онъ? поспѣемъ ли мы благовременно спасти его? Можетъ быть утекаетъ отъ насъ въ сіе царящее мгновеніе способность, а предстоитъ ему страшная судьба.

Успокойся, сказалъ незнакомый; вмѣсто, чтобъ потерять послѣднія силы отъ толь жестокихъ движеній, старайся собрать ихъ, возми на сей конецъ принесенный мною крѣпительный Еликсиръ. По семь нужномъ предостереженіи удовольствую я твои вопросы.

Цериръ покорилъ нетерпѣливость, и повиновался. Онъ опасался, оскорбить своего благодѣтеля, и сей продолжалъ потомъ.

Провидѣніе направляетъ наши стопы по намѣренію, кое о насъ имѣеть. Оно попустило, чтобъ я вчерась при захожденіи солнца заблудился, и пришелъ къ входу въ узкій долъ, гдѣ увидѣлъ я на травѣ лежащихъ множество вооруженныхъ, которые не взирая на громогласныя жалобы узника, коего цѣпи одинъ изъ нихъ укрѣпилъ около себя, всѣ въ глубокомъ снѣ находились. Видъ сей поразилъ и тронулъ меня, я подшелъ ближе, презирая изъ челоуѣколюбія собственную опасность, чрезъ то мнѣ грозящую.

Я вспомнилъ, что, когда мы не затворяемъ слухъ нашъ къ воздыханіямъ несчастныхъ, равно и наши воздыханія вознесутся на крылахъ Ангеловъ предъ престолъ Всемогущаго. По чему сказалъ я тихо: О ты, піющій изъ сосуда печалей напитокъ горестей, ободрись, хотя я сердце твое не могу утѣшить кромѣ какъ словами сожалѣнія, но надѣйся на помощь всемогущаго Создателя твоего.

Ахъ! коликимъ благодареніемъ долженъ я ему, отвѣтствовалъ Гистаспъ, ибо онъ то былъ, съ кѣмъ я говорилъ; онъ послалъ тебя, спасти жизнь брата моего. Спѣши въ ближнюю пустыню, возгласи имя Церирова, можетъ быть еще не поздно, обратитъ тебѣ великодушіе свое въ пользу несчастнаго сего Царевича, которое для меня совсѣмъ будетъ безплодно. Что говорю я? Я обязанъ буду тебѣ всею чаемымъ отъ тебя утѣшеніемъ, естли подашь ты мнѣ надежду о толь дражайшемъ родственникѣ. Ахъ! я оставилъ его жертвою душевнаго ужаса, который безконечно мучительнѣе всякихъ тѣлесныхъ болѣзней. Когда сей послѣдній ударъ, чрезъ уронъ любимаго имъ брата, не предалъ еще смерти томное сердце его, то ободри его изображеніемъ состоянія, въ коемъ меня видишь. Скажи ему: Гистаспъ полагается на его дружбу, что онъ избавитъ его отъ руки разбойниковъ, нападшихъ на него при черпаніи воды для утоленія оною жажды. Не теряй времени, оно драгоцѣнно, оставь сіе опасное мѣсто, единое мгновеніе можетъ лишитъ тебя вольности и меня возлюбленнаго луча утѣхи, ниспадающаго чрезъ твое присутствіе на пораженный духъ мой.

Разумъ и сожалѣніе принудили меня слѣдовать совѣту Гистаспову и внять его прозвѣ. Я далъ ему обнадеживательный знакъ о моей ревности, и отшелъ. Я спѣшилъ въ жилище мое, взять сей Еликсиръ, ибо дѣйствіе его

считалъ для васъ необходимо нужнымъ. Тамъ дождался я дня, понеже опасался въ темнотѣ забрести во внутренности сей дикой пустыни, и неблаговременною поспѣшностію лишить тебя назначеннаго утѣшенія.

Преизряднѣйшія благословенія неба да управятъ дни твои, воззопиль Церирь; и хотя добродѣтель сама въ себѣ лучшее награжденіе, но я обнадеживаю тебя и въ моей благодарности. Но знаешь ли ты путь избранный разбойниками?-- Но да не удержитъ насъ отвѣтъ твой, ты можешь удовольствоваться меня въ томъ, провождая меня къ долинѣ; можетъ быть найдемъ мы еще тамъ моего брата.

Имя незнакомаго было Сагебъ, которое тоже значить, что другъ; его врожденное доброхотство учинило во всѣхъ тваряхъ званія сего достойнымъ, и разумъ его нашель вскорѣ, что Церирь имѣетъ особое право въ намѣреніяхъ имъ заключаемыхъ. Онъ вѣдалъ, что чрезмѣрныя страсти суть знакъ души возвышенныя и сѣмя всякихъ добрыхъ свойствъ; онъ изъ братской любви Церира замѣчалъ, коль удобна душа сего Царевича къ благороднымъ склонностямъ,

Церирь съ стороны своей былъ обнять къ Сагебу особливимъ пристрастіемъ, вливающимся въ насъ благодарностію за неожиданное благодѣяніе; однако онъ больше былъ тронуть, чтобъ могъ сіи возставшіе чувствованія, коихъ втеченіе его жизнь ощущала, выразить, или бы дать познать быть въ состояніи.

Наконецъ достигли они въ долину, гдѣ Сагебъ говорилъ съ Гистаспомъ; но разбойники оную оставили такъ, что и слѣда не было, по которому бы ихъ сыскать возможно. Сіе ужасное нещастіе повергло Церира въ отчаяніе, и заключилъ онъ умереть на мѣстѣ, гдѣ лежалъ нещастный братъ его. Во время, когда предался оно своей нѣжности, и отдавалъ землѣ, носившей толь драгоцѣнное для него бремя, многія лобзанія, нашель онъ въ травѣ табличку, на коей написано было слѣдующее:

"Когда радостный утѣшитель, посланный ко мнѣ небомъ, найдетъ тебя, еще жива, возлюбленный Церирѣ, то увѣренъ я, что любовь твоя ко мнѣ приведетъ тебя сюды; вѣдай судьбу мою. Рабойники нападшіе на меня въ пещерѣ, опредѣлили по найденнымъ при мнѣ, дорогимъ камнямъ, что я въ состояніи заплатить большей выкупъ, и уразумѣли, что собственныя ихъ выгоды требуютъ хранить жизнь мою. По нѣсколькихъ разъѣздахъ въ сосѣдственныхъ земляхъ, которыхъ именованіе мнѣ неизвѣстно; хотятъ они ѣхать въ Герать. Туды долженъ ты мнѣ послѣдовать, и тамо найдемъ мы себя во объятіяхъ нѣжной родительницы."

Тысячекратно мятущійся Церирь въ восхитительной радости, коя столькожъ безмѣрна была, какъ и прежняя грусть, прижималъ къ груди своей оное дражайшее начертаніе. Онъ готовъ былъ, не медля шествовать въ Герать, но съ крайнимъ нетерпѣніемъ услышалъ представленія Сагеба о толь поспѣшномъ вознамѣреніи.

Царевичь! естли ты и не хочешь помыслить, продолжалъ сей великодушный мужь, что сіе есть только сильное движеніе чувствъ, подкрѣпляемое жизненными твоими духами, но которое теряетъ силу свою, коль скоро оныя ослабнуть припомни по крайней мѣрѣ, что ты долженъ мнѣ жизнью и всѣми восхищающими тебя надеждами. Много ли я потребую, естли пожелаю, чтобъ ты за такое благодѣяніе уступилъ мнѣ нѣчто? Ты можешь быть въ Гератѣ прежде своего брата, и между тѣмъ оказать мнѣ должную благодарность. Позволь мнѣ на нѣсколько дней употребить право страннопріимства. Жилище мое отъ сюду близко; въ немъ должно намъ послѣ горести толикихъ отягощеній вкусить сладости покоя; въ немъ найдете вы отдохновеніе, могущее учинить васъ способнымъ къ путешествію, и друга, послѣдующаго стопамъ твоимъ, и коего сердце возрадуется о твоёмъ соглашеніи.

Цериръ слушалъ Сагсба закраснѣвшись, и отвѣтствовалъ:

Твое дружественное укореніе служитъ разуму моему, яко лучъ свѣта омраченному небу. Оно разогнало мглу страстей. Я признаюсь, что благодарность, первенствующая должность человѣку, и предаю себя не токмо на желаемое время твоего расположенія, но и въ каждое мгновеніе спасенной тобою жизни къ твоимъ услугамъ.

Награжденіе превзойдетъ очень заслугу, подхватилъ Сагебъ; между тѣмъ приѣмлю я сіе похвальное восхищеніе сердца твоего, и не употреблю онаго во зло.

Мѣстоположеніе Сагебова жилища, казалось быть пребываніемъ смѣющейся Природы, и вмѣстилищемъ всякихъ прелестей. Изрядно выстроенный замокъ, стоялъ на скатѣ холма, коего вершина окружалась величественными и благоуханными деревьями. Посреди сея веселой сѣни бросалъ водометъ серебряную струю свою на воздухъ, коя въ паденіи своемъ окропляя розы, тюльпаны и прочія избраннѣйшія цвѣты, катилась въ долину оросить сокрытыя въ травѣ фіалки. Тамъ обвивалъ жасминъ бѣлые цвѣты свои округъ гранатныхъ яблокъ, и окружалъ яхонтовые ряды его двойною короною; и розы Ерихонскія мѣшали краски и сладость запаха своего съ блестящимъ золотомъ, и бодрымъ испареніемъ померанцовъ.-- Здѣсь восхищался слухъ многочисленнымъ хоромъ согласнаго звука птицъ, увеселялось зрѣніе разнообразными и прекрасными ихъ перьями, и трогало сердце при взорѣ на оживленныя ими забавы и нѣжное согласіе. Словомъ: здѣсь каждое чувство насыщалось разночастно.

Сагебъ угощалъ своего гостя всѣми родами изящностей, доставляемыхъ роскошною Азією. Образъ жизни и вкусъ его подавали знать, что онъ не всегда обращался во уединеніи. При возбужденномъ вечернемъ разговорѣ, рассказанъ ему Царевичь, кратко приключенія свои; при чѣмъ образъ Принцессы Перизады возвратился въ память его, такъ что Сагебъ къ

отвращенію опасности, могущей произойти отъ столь трогательнаго воспоминанія, и во утѣшеніе ему, отвелъ рѣчь въ похвалы Локману.

Ему долженъ я, продолжалъ онъ, настоящимъ покоемъ моимъ и удовольствіемъ. Я испыталъ на моряхъ противностей волнующіяся дни; я бросаема былъ на утесы горестей, но хотя не присвою себѣ толь жестокихъ чувствованій, какъ твои, однакожь постоянство мое въ сихъ опытахъ не безъ заслуги.

Ахъ! открой мнѣ оныя, сказалъ Цериръ, умножь обязанность мою къ тебѣ, и тѣмъ, чтобы научился я изъ твоихъ примѣровъ, какъ преносить бѣдствія жизни.

ПОВѢСТЬ САГЕБА.

Я произхожу отъ рода знатнаго, сказалъ Сагебъ, и получилъ щастливое воспитаніе; ибо премудрый Локманъ взялъ надзираніе надъ перьвыми моими годами. Въ то время приказалъ онъ мнѣ путешествовать; но перьвая дорога была бы мнѣ нещастлива, естли бы наставленія его не охранили моего сердца.

Переправясь чрезъ морскій проливъ и вступя въ обширную Имперію Иранъ {Иранъ въ Персіи.}, нашель я распространившуюся по всей землѣ славу о Зороастрѣ {Зороастръ называется отъ Азіатовъ Цердучь, и извѣстенъ у нихъ, какъ славнѣйшій волшебникъ, произведенный оными баснословными временами. Намъ извѣстенъ онъ, яко глава безбожнаго ученія и слѣдственно обманщикъ. Онъ училъ поклоненію солнцу и создалъ храмъ, въ которомъ на возвышенномъ олтарѣ хранился вѣчно горящій огонь, и обожаемый за чистое изліяніе небснаго свѣтила міра.}. Сильное желаніе сего возникшаго обманщика узнать и опровергнуть, объяло мое сердце. Ревность юношей горда и безразсудна; но гордость моя пріяла въ возмездіе заслуженный стыдъ.

Зороастръ ищущій насадить суевѣрство, долженствовалъ необходимо быть врагъ разуму, и ненавидѣлъ по тому Локмана. Помысль, насажденную премудрымъ на крѣпкомъ основаніи правды отрасль, перенести въ безплодный песокъ заблужденія, надулъ его сердце. Онъ предпочелъ меня всѣмъ ищущимъ его обхожденія, и не мало трудился меня оспорить.

Преимущество сіе приписывалъ я моимъ заслугамъ, и непримѣтно суетность моя искала возвысить того, кто ей ласкательствовалъ, и довела меня взирать на обманщика, яко на мужа достойнаго, опорочиваема несправедливо. Я испытывалъ его ученіе, или лучше сказать, воображавъ, что я оно испытываю, когда въ самомъ дѣлѣ только удивлялся его дѣйствию, и на число учениковъ его взиралъ, какъ доводъ преимущественныхъ

свойствъ моихъ, кои совсѣмъ особливо примѣчаніе его изъ всѣхъ ко мнѣ привлекали.

Зороастръ равно прочимъ учредителямъ новаго толка, былъ знатокъ въ слабостяхъ человѣческихъ. Онъ видѣлъ мою, и обращалъ оную по возможности въ пользу свою. Коротко сказать: я началъ привыкать къ смѣшнымъ обрядамъ, коими ругался, и мое охотное согласіе удостоило меня чести, прежде Всѣхъ другихъ, быть онымъ посвящену.

Время сіе было, когда первыя моя основанія возобновили во мнѣ начальное свое вліяніе. Мы находились въ новопостроенномъ храмѣ, какъ свѣтъ разума сильнѣе озарилъ смыслъ мой, нежели обожаемый огонь; помышленіе, коль много унижаемо божество бѣшенствомъ человѣческихъ мечтаній, возбудило гнѣвъ мой: но предвидя опасность, естли бы я вступилъ въ словопреніе, вышелъ я съ презрительнымъ молчаніемъ.

Замѣшательство Зороастрова была велико; а мое безконечно больше; изобильная толпа его наслѣдодателей довольно награждала ему отторженіе мое; но меня опровергалъ многія дни стыдъ, что я толь безразсудно на первомъ подвигѣ молодости моей, предался гордости и дерзости.

Не въ дальности Герата искалъ я въ одинъ жаркій вечеръ убѣжища близъ рѣки подъ растущими на берегу пальмовыми деревьями. Разсужденія мои исполнены были раскаянія и ужаса. Я помышлялъ, что будетъ говорить Локманъ о моемъ преступленіи, и ночь непримѣтно настала. Я дожидался возхожденія мѣсяца, къ способности возвращенія моего, какъ услышалъ печальный голосъ отчаянія. Воздухъ былъ ясенъ, звѣзды очень блистали, сіе способствовало мнѣ увидѣть чрезмѣрно прекрасную женщину, которая по нѣсколькимъ несообразнымъ словамъ, бросилась въ рѣку. Я скочилъ безъ размышленія въ воду спасти ее, схватилъ за платье, и извлекъ щастливо на берегъ.

Оная скоро опомнилась. Я держалъ ее руками, чтобы не повторила она прежняго отчаянія; она возвела на меня любви достойныя глаза свои, и сказала.

Чѣмъ оскорбила я тебя, о незнакомый, что ты лишаешь меня сего послѣдняго прибѣжища къ покою? Естли происходитъ твоя обманутая ревность по челоуѣколюбію, то знай, что я бѣднѣйшая на свѣтѣ. Пуста меня, впрочемъ легко можетъ притить гонитель мой, и оковать меня тягчайшими узами тѣхъ, изъ коихъ я освободилась. Ахъ! продолжала она съ покойнымъ вздохомъ; можетъ отнять онъ и у тебя жизнь - - - Несоразмѣрная отплата произведенному тобою благодѣянію!

Съ того мгновенія, какъ держалъ я сей небесный образъ въ объятіяхъ моихъ, овладѣла она неизвѣстнымъ движеніемъ сердца моего, и лишила меня словъ. Но при произнесеніи гонителя, языкъ мой получилъ употребленіе. Гдѣ онъ? вскричалъ я, гдѣ варваръ, могущей вредить тебѣ,

дщерь красоты? Покажи мнѣ путь къ нему, чтобы я могъ сорвать съ него голову, повергнуть къ ногамъ твоимъ.

Я не могу покушаться на жизнь его, отвѣтствовала она, онъ супругъ мой.

Супругъ твой? сказалъ я голосомъ огорченія. Такъ, говорила она, и хотя не оскорбила его, но поступаетъ онъ со мною неслыханнымъ и почти невѣроятнымъ образомъ.

Какъ можетъ онъ, сказанъ я, учинить себя виновнымъ толикаго безчеловѣчія, когда столь прелестная особа нѣжностямъ его отвѣтствуетъ любовію?

Азаръ не оказывалъ мнѣ нѣжностей, подхватила она, слушай печальное повѣствованіе несчастной Сафиры, и дай мнѣ умереть. Родители мои состояли при дворѣ Гератскомъ въ великой знатности. Я была единый плодъ нѣжнаго ихъ союза, и всѣ желанія влюбленныхъ ихъ сердець, клонились къ моему благополучію.

Богатый и благородный юноша, появившійся посреди своихъ сверстниковъ въ сіяніи, подобномъ утренней звѣздѣ предводительствующей блестящимъ небеснымъ воинствомъ, сватался за меня; родители мои съ радостію согласились на его жеванія, и я повиновалась. Мы приступали уже къ браку, какъ по несчастію Маана, возлюбленная невольница, уговорила меня, въ маленькой бесѣдкѣ на самомъ краю нашего сада, воспользоваться отменно пріятною вечернею погодою. Внимай, тамъ напали на насъ вооруженные люди; Азаръ, предводитель ихъ схватилъ меня, и увезъ въ сей крѣпкой замокъ, лежащей на холму.

Вскорѣ получилъ онъ принужденное согласіе отъ родителей моихъ на нашу свадьбу. Нѣсколько времени тихій нравъ его и дружеское обхожденіе составляли мое щастіе; но какъ отецъ мой -- -- не знаю за какое преступленіе -- -- получилъ приказъ, выѣхать изъ государства. Снялъ онъ личину ласковостей, и оказался въ природной лютости своей.

Шесть разъ солнце погружало златую главу свою въ волнахъ морскихъ, и столькожъ возходило, и въ сіе время не видала я оживляющихъ лучей его. Тюрьма моя была самая мрачность; тяжкая цѣпь придавляла меня къ хладной землѣ; Азаръ давалъ мнѣ едва нужную пищу для поддержанія дней моихъ и отравлялъ оную горечью словъ своихъ; ярость его казалась умножающеюся отъ моего покернаго терпѣнія; напоследокъ осыпавъ меня ругательствами, билъ немилосердо, по коль насытился слезъ моихъ.

Нынѣ призывая умягчающую руку смерти, увидѣла зашедшую ко мнѣ въ темницу Маану, разломившую мои оковы и сказавшую: бѣги, бѣдная Сафира; иди куды хочешь, и опасайся впасть въ не милосердыя руки, изъ коихъ я тебя освобождаю.

Я принуждена была, слѣдовать совѣту сему; ибо не имѣю прибѣжища, ни родственниковъ, ни защитника.

Щастливый юноша, сказалъ я ее съ любопытнымъ взоромъ, имѣющій права на драгоцѣнный залогъ вашей вѣрности, конечно уже не есть въ живыхъ.

Мнѣ не извѣстна судьба его, отвѣчала она, его не видно стало въ тотъ же день, какъ впала я въ руки его совмѣстника. Любви достойный Морадъ! еслии предательствующій кинжалъ смерти, пререзалъ златую нить дней твоихъ, то ты не толь несчастливъ, какъ Сафира.

Онъ еще достоинъ зависти, сказалъ я, онъ живетъ въ твоёмъ сердцѣ, которое первымъ движеніемъ любви отъ него научилось.

Отъ словъ сихъ Сафирины щеки покрылись живѣйшею краскою цвѣтущихъ розъ. Выразительный, и при томъ непорочный взглядъ, просіялъ надежду въ мою восхищенную душу, я прижалъ ее съ радостию, которая сильнѣе была, нежели чтобы оную изъяснить возможно, къ груди моей; но какимъ ужаснымъ образомъ прервано было наше пріятное и проникательное молчаніе! Въ восторгъ моемъ не примѣтилъ я, что вооруженные люди къ намъ спѣшили. Сафира ихъ увидѣла старалась вырваться изъ моихъ объятій, и вскричала.

Вотъ лютой Азаръ; бѣги, и дай мнѣ въ пріятствующей рѣкѣ найти спасеніе отъ его свирѣпства. Сказавъ сіе упала въ обморокъ.

Я бросился съ жестокостию къ невольниковъ окружающихъ Азара; онъ приказалъ щадить жизнь всю, и меня обезоружить. Между тѣмъ сей послѣдній приказъ не толь легко произнестъ бы можно, есть ли бѣ состояніе, въ коемъ видѣлъ я Сафиру, не лишило меня въ сраженіи всего присутствія духа. Храбрость моя уступила нѣжному страху, чрезъ то овладѣли мною бѣдныякі сіи, которыхъ бы въ прочемъ разсѣялъ я, подобно, какъ развѣвастъ вѣтръ легкую пыль на горахъ; и я приведенъ былъ съ бездыханною Сафирою въ Азаровъ замокъ.

Первыя слова, кои появились изъ устъ приходящей въ себя Сафиры, клонились къ тому, что пеклась она о моей безопасности; она просила въ трогających выраженіяхъ о моей жизни, и рассказывала съ отважною холодностію о отчаянномъ своемъ предпріятіи.

Азаръ отвѣтствовалъ толь ласково и вѣжливо, что я на него взглянулъ, и благородными и привлекающими чертами лица его, былъ тронутъ. Чаятельно замѣтилъ онъ въ изумленныхъ взорахъ моихъ знаки сумнѣнія, въ разсужденіи чистосердечія Сафиры, ибо повелѣвъ невольникамъ отвезть ее въ ея комнату, сказалъ мнѣ смѣючись.

Я чувствую, великодушный незнакомецъ, что тебѣ не свѣдомы еще хитрости женскаго пола, но ты могъ быть больше обманутъ Сафиринымъ божественнымъ видомъ, чѣмъ истинною ея рассказовъ. Кто бы подумалъ, не вѣдая, что зеленый кристалъ тихаго моря, часто можетъ бунтуя пѣниться, и грозить погибелію?

Справедливость сего уподобленіе извѣдалъ я на щетъ моего покоя; Сафирина гордость и жестокосердіе равны неукротимымъ волнамъ. Я здѣлалъ ей нынѣ достойный выговоръ, и въ бурѣ страсти своей ушла отъ меня, однакожь произведеніе угрозъ своихъ не прежде исполнить вздумала, какъ замѣтя, что готова уже рука спасти ее. Между тѣмъ я за избавленіе ее очень обязанъ, я прошу тебя, увѣнчать обязанность сію гощеніемъ у меня на нѣсколько дней; ты подъ симъ дружественнымъ кровомъ принять будетъ соразмѣрно твоей заслугѣ и коей благодарности.

Простосердіе юношества, не легко даетъ мѣсто помышленію недовѣренности. Съ восхищеніемъ принялъ я Азарово предложеніе; любовь моя къ Сафирѣ тѣмъ, что она уклонилась отъ истинны, не уменьшилась: я сравнивалъ противорѣчіе Азарово и ея повѣствованія. Азаръ признавался, что онъ употреблялъ строгость, и кроткую красавицу уподоблялъ я нѣжному цвѣтку, который при слабомъ вѣтеркѣ, столькожь колеблется, какъ при сѣверномъ вихрѣ. Одно только мѣсто въ повѣствованіи ея, кое не могъ я отъ лжи наречь свободнымъ, была холодность, въ которой обвиняла она Азара, за тѣмъ что свидѣтельство собственнаго моего влюбленнаго сердца ввозможности того противурѣчило.

Ты удивляешься, Царевичъ, что я предался любви порочной, но ты не разсуждаешь, что существо любовной страсти въ первоначаліи своемъ бываетъ въ душѣ чисто, и ни съ какимъ низкимъ прибавленіемъ несмѣшено, слѣдственно не имѣетъ въ себѣ, могущаго безпокоить осторожную совѣсть.

Въ сей безопасности препровелъ и многіе дни; во оныя укрѣпилось возрастающее мое дружество къ Азару. Никогда не взиралъ я на него завистливыми очами солубовника, но воспріялъ твердыя знаки его склонности, съ благодарностію зависти чуждающеюся. Разговоры наши были длинны и обоимъ утѣшительны. Иногда участвовала въ оныхъ и Сафира: но хотя склонность сея было высочайшее изъ моихъ желаній, но время мое въ присутствіи ея шло не съ таковою ясностію, какъ наединѣ съ Азаромъ. Подъ часъ приписывалъ я болѣзненные движенія сердца моего безпокойству, чувствуемому о состояніи, въ коемъ видѣлъ я Сафиру; глубокая печаль покрывала прекрасное лице ея, лучи любовію заряжающихъ очей ея, часто помрачались слезами; и ни взирая на Азаровы нѣжныя попеченія, казалась она горестнѣе, нежели въ несчастный день, когда я въ первые ея увидѣлъ.

Хотя не можно мнѣ было, не обвинять Сафиру за несправедливость носимаго ею омерзенія къ любви достойному Азару, но сожалѣніе одерживало верхъ надъ укореніемъ, и вливало на огонь масло. Сожалѣніе и любовь болѣе между собою сходятвуютъ, всѣхъ прочихъ чувствъ чловѣческаго сердца, ибо они, двѣ крѣпчайшія пружины природы, и два главные источника нашего ощущенія.

Иногда подозрѣвалъ я Азара, что вліяніе обоихъ силъ чувствованій дѣйствуетъ на самаго его. Необычайное пренебреженіе его, когда позволилъ онъ мнѣ водиться съ Сафиною, считалъ я сожалѣніемъ къ моей слабости; но послѣ находилъ я въ осторожныхъ очахъ его и безпокойныхъ взглядахъ, несумнѣнныя доводы грызущей ревнивости. Однакожь не имѣлъ я довольно великодушія, отвратить для него болѣзненное мѣстничество; разумъ мой не прежде могъ пробудиться, какъ чрезъ крайнюю опасность.

Когда розы и лиліи здоровья начали мѣшаться на лицѣ Сафириномъ, Азаръ въ свидѣтельство радости своей, далъ родственникамъ своимъ, и домашнимъ великолѣпный пиръ.

Различными живыми красками разпещренныя полатки, разбиты были на пріятномъ луку, окруженномъ многими малыми деревцами покрытыми холмами, отъ коихъ смѣсь травъ, и игра нерукосажденныхъ цвѣтковъ содержалась въ бодрости. Множество было случаевъ, забавлять себя, и каждый могъ посклонности своей избрать времени препровожденіе; женщины не исключены были имъ сего, и хотя лица ихъ завѣшены покрывалами, но присутствіемъ своимъ оживляли веселое сіе позорище.

Можетъ бы въ шумѣ общаго радованія, нашель я случай, открыть Сафирѣ тайны сердца моего, естли бы самъ оныя явственно разумѣлъ: или бы, лучше сказать, право страннопріимства и долгъ дружества, не положило моимъ невольнымъ волнованіямъ предѣла, и не замкнуло устъ моихъ; но напоследокъ услышалъ я говорящую Сафиру; нерѣшимость и осторожности изчесли.

Сагебъ, сказала она, приди въ садъ, когда ночь будетъ на среди мрачнаго своего теченія, и дожидайся меня въ гротъ; тамъ желаю я ввѣрить великодушному твоему сердцу таинство, крайнѣйшей важности для моего покоя.

Отъ словъ сихъ не былъ уже я самъ въ себѣ, и равно какъ бы ощутилъ себя въ новомъ существѣ: всѣ знаки жестокой страсти вдругъ появились: я краснѣлъ, дрожалъ, глаза мои пылали исполненною надежды радостію; въ сердце моемъ трепетало безпокойство желанія, и въ безмолвномъ наклоненіи выразилъ я ей восхитительное повиновеніе.

Быстрые часы недовольно скоры были для желанія мыслей моихъ, часто обвинялъ я солнце, кое по зависти укрочало бѣгъ свой, что бы задлить мое благополучіе, но напоследокъ истекъ продолжительный день, и кончился по частію препоною моихъ казни достойныхъ ожиданій.

Когда Азаръ отдалъ повелѣніе учредить столъ тайнаго удовольствія въ самомъ томъ же гротѣ, гдѣ льстилъ я насытиться любовію, сказала мнѣ Сафира на ухо:

Сагебъ, судьба, которая воля всегда противятся несчастной Сафирѣ, опредѣлила, препровести ей ночь сію въ сообществѣ ея тирана, вмѣсто

чтобъ вкусить наслаждающій разговоръ друга, но можетъ быть случай не всегда возпротивится пламеннымъ моимъ желаніямъ.

Кто испыталъ уничтоженіе основанныхъ надеждъ своихъ, тотъ только можетъ представить себѣ мое состояніе. Я оставался долго и по возвращеніи оттуду Азара, безсловесенъ и недвижимъ, и только ненавистные знаки нѣжности оказываемой имъ Сафиръ, ободрили меня. Усыпленіе мое обратилось въ ярость, кою Сафирины млеющія взоры, и моего великодушнаго угостителя дружескія обхожденія едва удержать могли.

Но бѣшенство мое проторгло за всѣ препоны, когда сія любви достойная пара удалилась на покой; я слѣдовалъ за ними насколько шаговъ съ повыдернутою изъ ноженъ саблею, и съ жаждущимъ крови ненавидимаго мною солубовника сердцемъ, какъ послышалось мнѣ, что гласъ Локмановъ гремѣлъ во ушеса мои:

Куда ведетъ тебя позорная страсть; о погибшій казни стоящій Сагебъ? Дружественнаго угостителя умертвить ты хочешь за то, что не можешь вдругъ ограбить лучшее его сокровище? Возвратись изъ кривыхъ путей заблужденія и будь обманутъ, чѣмъ повергнуться тебѣ съ разверстыми очами, въ пропасть злобы.

Либо моя возмущенная совѣсть заимствовала сей страшный звонъ, или премудрый дѣйствительно послалъ добраго Духа, сказавшаго слова сіи; я остановился, и объятый страхомъ, палъ я въ несказанномъ ужасѣ омерзенія, сѣтованія и раскаянія на землю. Пребылъ я въ семъ положеніи, доколь помыслилъ, что еще не поздно, поправится, не разлилъ бальсамъ утѣшенія по уязвленной мысли моей. Я заключилъ по тому выѣхать изъ замка Азрова, какъ только отворять ворота, не давъ себѣ времени, принести ему признанія толь худо употребленной благодарности.

Между тѣмъ служащіе мнѣ невольники, думали, что я ночь желаю препроводить въ гротъ, и по угашеніи лампадъ удалились. Въ разсѣяніи мыслей моихъ, не зналъ я въ окружающей меня темнотѣ, куды обратить слѣды мои, я повергъ себя на софу, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ разсвѣту.

По маломъ времени услышалъ я входящихъ въ гротъ и приближающихся ко мнѣ людей. О! вотъ Сафира, говорилъ я въ себѣ, кто вооружитъ меня противу сей новой опасности? Могу ли я прятаться, когда меня ищеть Сафира? Могу ли я отъ нея бѣжать?

Я опасался въ семъ сраженіи съ собою, коего слѣдствія толь неизвѣстны были, слышать волшебный Сафиринъ голосъ, и услышалъ вопіющую Маану.

Неблагодарный Азаръ, не старайся обмануть печаль мою притворною твоею привязанностію; твои хитрыя слова подобный умѣренной и обманчивой весенней погодѣ. По обѣщанію щастливыхъ дней предала я тебѣ Сафиру, и туча противностей была до сель единственная мзда моя.

Какъ несправедливыи твои жалобы, любезная Маась, отвѣтствовали Азарь, не осыпаю ли я тебя угожденіями; ты здѣсь повелѣваешь, и пріемлешь болѣ почтенія и уваженія самой Сафиры.

Любовь одна мзда моя, любовь, подхватила Маана, но твое жестокое сердце не даетъ мѣста никакой страсти, кромѣ ненависти, питается ядовитыми ея скорпіями, и противится познанію нѣжныхъ чувствованій.

Дай небо, вскричалъ Азарь, чтобъ я таковымъ былъ, какъ ты меня изображаешь.

Такъ наказали меня въ послѣди Сафирины прелести, продолжала Маана, не за измѣну мою противъ ея, но за возчувствованное о ней сожалѣніе! Я ужаснулась силы слезъ ея; я основала надежду мою на безмѣрномъ отчаяніи; я разломила цѣпи ея, чтобъ доставить способъ къ частопризываемой ею смерти. Проклять ты будь, ненавистный Сагебъ! чрезъ твою невременную помощь живетъ благополучно Сафира, а Маана лишена утѣхи, видѣть совмѣстницу свою столько же несчастну, какъ саму себя, или по меньшей мѣрѣ быть любимицей Азара.

Спокойся, сказалъ Азарь, естли Сафирино щастіе утверждается изъ любви моей къ ней, то тебѣ остается утѣшеніе, что она несчастлива; и естли ты можешь довольна быть моимъ дружествомъ, удобно тебѣ довольствоваться онымъ безъ совмѣстницы. Но выслушай меня, я хочу открыть тебѣ таинство, которое отниметъ всѣ твое сумнѣніе.

Естли начало разговора сего возбудило мое любопытство, продолжалъ Сагебъ, понеже я во всемъ касающемся до Сафиры, бралъ участіе, а сіе участвованіе умножалось явнымъ ея оправданіемъ, то былъ я отчасу нетерпѣливѣе увѣдать, сколь далеко потребна ей моя защита, ибо хотя любовь можетъ быть порокомъ, но великодушіе остается всегда добродѣтелию. Почему наблюдалъ я глубокое молчаніе, и Азарь продолжалъ.

Знай, любезная Маана, что я нѣжныхъ желаемыхъ тобою отъ меня чувствованій, не могу имѣть ни къ какой особѣ твоего пола. Я такаяжъ какъ и ты женщина, но безконечно несчастнѣе, нежели ты быть можешь, доколь судьба оставитъ тебя въ моихъ дружественныхъ рукахъ.

Я родилась въ Ширасъ {Ширасъ *извѣстенъ по вкусному вину, произносимому плодоносными тамошними мѣстами. Онъ считается прекраснѣйшимъ городомъ въ провинціи Персидь.*}, двойнишная съ братомъ, такъ ко мнѣ сходнымъ, что насъ одѣтыхъ въ одно платье никакъ различить было не можно. По кончинѣ родителей моихъ осталась я подъ надзираніемъ сего брата, который старался обыкновенное удаленіе пола моего отъ обществъ учинить пріятнымъ, и позволилъ мнѣ участвовать во всемъ, чему его научили.

Когда я окрѣпчала чрезъ суровыя упражненія, не потерявъ однако красоты моей, говорилъ мнѣ братъ мой слѣдующимъ образомъ:

Время уже, возлюбленная Гудруца, пожать мнѣ плоды твоего подражанія и моихъ попеченій. Хотя древо жизни моей только лишь разцвѣтаетъ, но наскучилъ уже я ложнымъ сіяніемъ двора, и глупою пышностію свѣта. Я жажду убѣжища отъ волнующагося общества. Но хотя заключеніе мое оправдается высокимъ твоимъ духомъ, однакожь примѣръ мой мало учинить на тебя впечатленія. Испытай по тому съ возлюбленнымъ братомъ, крайнѣйшій уголъ твоею сердца: надѣнешя ли ты оборонить чувствованіе свое отъ силы любви, или противу стать приманчивости сей страсти, коя только слабостію нашей подкрѣпляется, а я хочу, вмѣсто того, чтобъ предать тебя тирану подъ священнымъ именемъ супруги, доставить тебѣ всѣ удовольствія жизни, которыя по мнѣнію моему больше соразмѣрны будутъ нраву твоему, чѣмъ для меня; и особливость состоянія твоего увеличить оныхъ цѣну. Словомъ, измѣреніе мое клонится единственно къ тому, отдать тебѣ мое имѣніе, мой чинъ и всѣ права моего пола: ты будешь содержать за самага меня, и я распущу нынѣшнихъ моихъ служителей, скажу родственникамъ, что послалъ тебя въ отдаленное государство; и самъ удалюсь тогда въ дичайшую пустыню.

Сіе чрезвычайное предложеніе, изрядно сходствовало съ моею склонностію и гордостію, чтобы я неохотно оное принять могла; родство только противилось, но какъ братъ симъ возраженіемъ на могъ быть удержанъ, то освободила я, его отъ главной въ разсужденіи меня заботы. Прилѣжно послушалась я его совѣта, и думала, что оный вырѣзанъ въ моемъ сердцѣ; но вскорѣ узнала, обманъ неразумнаго моего честолюбія.

Все произведено по учиненному расположенію; но хотя никто не подозрѣвалъ о тайномъ нашемъ поступкѣ, однако по отъѣздѣ брата моего не могла я побѣдить моего безпокойства. Я мнила, каждой человѣкъ испытываетъ меня, и я убѣгала обманутыхъ его пріятелей, ищущихъ моего общества. Наконецъ опредѣлила я оставить отечество, и расположила жилище свое въ главномъ городѣ Ирана, гдѣ мое извѣстное достоинство и мое неизчетное богатство пріобрѣли мнѣ лестное преимущество между юношами искавшими моей довѣренности, нашла я Морада оныя достойнѣйшимъ. Близкое обхожденіе вскорѣ обратило дружбу въ любовь, но любовь сія толь была скрытна, что я цѣлый годъ, щастливѣйшій въ моей жизни, съ удовольствіемъ покоилась на однихъ только цвѣтахъ, кои скрывали пропасть подъ ногами моими.

Во все сіе время ни однажды не приводили въ мысль наставленія брата моего, ибо ни одинъ знакъ, о которыхъ онъ предостерегалъ меня, не возбуждалъ во мнѣ страха. Потомъ насталь день, коего несчастный свѣтъ изгналъ щастливый покой изъ груди моей. Морадъ, котораго я могла читать во внутреннихъ его сердца, былъ необычайно безпокоенъ; я спрашиваю его съ предчувственнымъ ужасомъ о причинѣ, и онъ открылся мнѣ въ любви своей къ Сафирѣ.

При семъ непріятномъ открытіи смертельная блѣдность распростерлась по лицу моему, и я обомлела въ рукахъ предмѣта моей неизвѣстной любви; но увы; потерянный другъ! пришедъ въ себя, увидѣла я по изумленнымъ его взорамъ, что онъ открылъ двойное мое таинство; онъ обѣщаль хотя хранить оное свято, но я пожалала это сего принужденнаго открытія толь горькіе плоды, что я ихъ безпрестанно оплакиваю.

Роса утѣшенія низпадшая съ устенъ Морадовыхъ, вмѣсто ободренія, привела мое сердце во ужасъ, и дальнѣйшее его поведеніе вогнало меня въ отчаяніе. Я видѣла, что онъ убѣгалъ меня, и заключилъ совершеніе къ своему браку, чрезъ то искала я твоего знакомства. Глаза твои, любви достойная Маана, обманули твое сердце; ты сняла на себя, удовольствоваться мои намѣренія, и лишить Морада его возлюбленной Сафиры; я наградила тебя за оное всѣми знаками дружества, кои могли подать облегченіе въ твоей неудачливой надеждѣ. Для злополучной Гульруцы было между тѣмъ съ каждымъ днемъ умноженіе страданія. По часту удивлялась ты удовольствію, которое вкушала я по твоему мнѣнію, когда предавалась тщетной ненависти прокину Морада, но сіе были мученія презираемой любви, кою я претерпѣвала. Темница, въ которую заключила я сего врага покою моего, омерзеніе мое къ Сафирѣ, немилосердые мои противу ея поступки; все сіе казалось тебѣ не естественною лютостію, но естли любовь твоя извиняла мое поведеніе; то разумъ твой теперъ оное оправдаетъ. Морадъ вѣдаетъ таинство, что Сафирина невинность доселѣ безопасна; я не могу безопасно возвратить ему вольности, не обнадежась въ его сердцѣ. Силы надежды, самолюбіемъ въ существо наше вплетаемыя, проводжали меня, при каждомъ моемъ Морада посѣщеніи, и при изходѣ моемъ отъ него, послѣдовало мнѣ отчаяніе, и обращало шаги мои къ ненавистной моей совмѣстницѣ: его свирѣпство, мое возбуждало. Онъ бываетъ глухъ при моихъ воздыханіяхъ, и я затыкаю уши мои къ ея жалобамъ.

Небо возрѣло съ сожалѣніемъ на сіе ужасное позорище бѣдствія, и послало Сагеба, изгнать вредъ изъ сего жилища слезъ. Изобильныя добродѣтели, болѣе нежели мужескія пріятности сего великодушнаго чужестранца, сердце мое перемѣнили, но моя новая страсть, достойна новаго предмета.

Сагебъ равно какъ и Морадъ ощутилъ силу прелѣстей Сафиринихъ, и я за то не досаую. Онъ научилъ сердце мое любви не своекорыстной. Я взирала на Сафиру, яко на злодѣйку, когда оспаривала она мнѣ склонность Морадову, но она учинилась моимъ другомъ со времени когда стала обожаема Сагебомъ, и однако величайшее изъ моихъ желаніе быть отъ него любимою. естли дѣйствительно смертное существо сіе, совершившее таковое чудо, то могу я еще быть щастлива. Ибо молчаніе твое, любезная Маада, доказываетъ мнѣ, что покой пріялъ обратно мѣсто въ душѣ твоей; и

по тому могу я, чрезъ твое дружеское вспомошествованіе, въ лучшемъ предпріятіи того, въ коемъ я обманулась, имѣть надежду.

Морадъ имѣеть несумненное право на Сафиру; я казни достойная хищница сокровища, отъ коего не имѣю пользы, и кое могу опять возвратить, пристойность одна долженствуетъ меня принести къ дѣйствию, коего справедливость не терпитъ чрезъ то ущерба, что я обращаю его къ моимъ выгодамъ Возми сей ключъ отъ подземнаго хода, коего тайный входъ мое дружество тебѣ повѣрило, онъ приведетъ тебя въ темницу, или лучше сказать въ полаты, гдѣ запертъ Морадъ. Прежніе владѣтели замка взирали на оныя какъ на последнее убѣжище отъ насильствующей власти, и по тому въ спокойностяхъ онаго и украшеніяхъ были расточительны. Ты найдешь тамъ, что моя единственная лютость противу Морада оказана, только въ лишеніи его вольности, или лучше сказать, огорчали его одни взоры ненавидимой Гульруцы.

Покажись ему его освободительницею: отведи его къ Сафирѣ, подтверди, что откроетъ онъ ей въ разсужденіи моего пола; помоги имъ мгновенно бѣжать отъ меня, и притворись охотною проводить ихъ въ семь бѣгствѣ, чтобъ избавиться отъ моего мщенія.

Я между тѣмъ буду имѣть бодрственное око за Сагебомъ, и искать удалить его отъ мѣста сего происшествія. Сафира избавится чрезъ то болѣзненнаго сраженія любви и чести; а Сагебъ, коего добродѣтель часто побѣждалась страстію къ ней, подвергнется разуму. Гульруца таковымъ образомъ можетъ еще получить щастіе, для коего она лишается преимуществъ вкушаемыхъ скрытіемъ ея пола, и твоему поспѣшествовать со всею нѣжностію дружбы.

И такъ заподлинно сердце женщины, открывающее мнѣ довѣренность? сказала Маана измѣнившимся голосомъ.

Ощущай естли можно чрезъ сіи груди, отвѣтствовала Гульруца, и увѣрь себя его чистымъ признаніемъ.

Умри вѣроломный, вскричала Маана, умри и загладь тѣмъ мое и твое преступленіе.

При словахъ сихъ бросился я на яростную невольницу; но ударъ ужъ совершился. Поздно вырвалъ я кровавый кинжалъ изъ измѣнническихъ рукъ, и она ушла осыпавъ меня проклятїями.

Я взялъ Гульруцу въ руки, и вынесъ съ наступившею тогда зарею, изъ грота. Я развязалъ мой турбанъ, чтобъ остановить токъ крови ея, какъ сто вооруженныхъ невольниковъ съ ужаснымъ крикомъ меня окружали. Маана ободряла ихъ бѣшенство, называя меня убійцею моего благодѣтельнаго угостителя, и ихъ милостиваго господина.

Какъ ни смутила меня безстыдная ея клевета, но не преставалъ я оказывать помощь опроверженной ею въ слѣпой ярости Гульруцѣ; тогда увидѣлъ я въ трепетѣ приближающуюся Сафиру, ужась и сожалѣніе мѣшалось во взорахъ ея. Ее время приближенія моего къ ней, не смотря на препятствіе

невольниковъ, запирающихъ мнѣ путь, для открытія сей ненавистной тайны, повелѣла она имъ, отвезть меня въ мрачнѣйшую темницу каменной горы лежащей въ нутри замка.

Тщетно противилась Маана ищущая ускоренія моею смертію сему приговору. Сожалѣніе и почтеніе учинили всѣхъ сердца подвластными Сафирѣ, напротивъ безстыдная невольница имѣла мало друзей.

Таковымъ образомъ избавлень я ищущихъ моего погубленія, но кровожадливыя ихъ сабли, не толь были остры, какъ слова Сафирины.

Ты, который подъ личиною чести и великодушія скрылъ твои подлыя и злобныя намѣренія, вскричала она, спрячься отъ стыдящагося дня, поди въ бывшее жилище тигровъ, коихъ превозшелъ лютостію, и ожидай за злодѣяніе твое, изобрѣтеннѣйшихъ вукъ.

На сіе поносительное укореніе отвѣчалъ я крикомъ: добродѣтель можетъ предательствована быть и невинность терпѣть. Но мстящее правосудіе острить уже стрѣлы свои противу несчастной, коя свое уголовное преступленіе умножаетъ позорною клеветою.

Больше не могъ я сказать. Пронзительный крикъ Мааны и шумъ прочихъ невольниковъ помѣшалъ мнѣ, чтобъ меня слышали, и при повтореніи Сафирыю приказа отвлечень въ пещеру. Тамъ остался я, можно сказать, въ страшномъ уединеніи, естлибъ не была при мнѣ невинность и препорученіе въ волю всемогущаго. Оба вѣрныя сіи спутники, коихъ утѣшеніе ни злость ни насильство у насъ похитить не могутъ, подкрѣпляли мой сраженный духъ; въ прочемъ бы помышленіе о запачканной срамомъ смерти легко опровергло человѣческое бодрствіе.

Когда я въ разсужденіяхъ моихъ выговорилъ имя Сафиры, остановлень былъ я незнакомымъ голосомъ, впадшимъ ко мнѣ сквозь расщелину пещеры, которой говорилъ ко мнѣ слѣдующее.

Спѣши великодушный Сагебъ, спѣши свободить Морада, и пріобрѣсть въ немъ себѣ новаго друга; слѣдуй Сафирину предводительству, то сабли наши отверзутъ намъ путь сквозь стражу сего ненавистнаго замка, или отмстятъ любви достойнѣйшую и жестоко обиженную женщину вѣроломной Гульруцѣ.

Гульруца съ лишкомъ наказана, отвѣчалъ я, тщетно жертвовать Сагебу жизнью своею ко освобожденію Морада; ибо онъ самъ несправедливымъ образомъ заключень. Въ мгновеніе, когда предалъ онъ себя сожалѣнію, не остерегся онъ измѣны, и не вооружился противъ силы. Скажи мнѣ между тѣмъ, коимъ средствомъ я могу притти къ тебѣ, дабы мы соединясь, скорѣе могли достигъ свободы.

Предпріятіе трудно, по недостатку нужныхъ къ произведенію сего орудій, говорилъ Морадъ; но естли милостивое небо подкрѣпитъ твои силы, удасться намъ.

Въ Восточной части пещеры есть потаенная дверь, сквозь кою, можетъ быть, мы дойдемъ другъ друга.

Я возложилъ надежду мою на силу, о которой говорилъ Морадъ, и отворотилъ тяжелой камень. Въ ту минуту былъ онъ въ моихъ объятіяхъ; но какъ выходъ пещеры нашли мы крѣпко запертъ, вывелъ онъ меня темнымъ и изогнутымъ ходомъ въ великой залъ, коего драгоцѣнныя уборы отражали свѣтъ многихъ кристалльныхъ лампадъ, висящихъ на потолокъ, и не токмо ясное пламя производящихъ, но и пріятной запахъ разпростирающихъ. Мы сѣли на богатую софу; почтеніе наполнило откровенность, свойственную старому дружеству, и мы рассказали взаимно приключенія, подавшія случай къ нашему стеченію.

Благородное Морадово сердце не могло удержаться отъ сожалѣнія о плачевной судьбѣ Гульруцы; мое, которое не было столь великодушно, ощущало между тѣмъ прискорбіе неудачнаго ожиданія, когда я свѣдалъ, что таинство, кое мнѣ Сафира открытъ хотѣла, не въ томъ состояло, какъ уповала моя порочная надежда.

Сафира въ замѣшательствѣ прошедшаго дня потеряла любимую свою собачку; искавъ ее, дошла она пещеры, и услышала жалобы Морадовы; и въ краткомъ разговорѣ открылись и объяснились о ненавистномъ таинствѣ судьбы своей, Сафира приложила мнѣ великія похвалы и обѣщала Мораду уговорить меня, чтобъ снялъ я на себя его освобожденіе.

Когда Морадъ окончалъ свое повѣствованіе, вскричалъ я: и такъ оклеветаніе подлой невольницы затмило господственное сіяніе, въ каковомъ Сафира разумѣла Сагеба! Тако прогоняетъ изъ дебелихъ паровъ земли возстающая непогода орла отъ свѣтлыхъ лучей солнца.

Будь справедливъ, сказалъ мнѣ Морадъ, разумѣй жестокое въ словахъ Сафиры, яко умноженное выраженіе особы, неумѣющей притворствовати, и считающей, однако то за нужное. Сафари предварена мною о полѣ Гульруцы и о любви Мааны къ мнимому Азару, она увѣряется въ томъ конечно; но можно ли въ мгновеніе слабую и предразсудками объятую мысль извлечь отъ мечты. Она видѣла, что лукъ опасности напряженъ на тебя, и думала, что стрѣла притворнаго ея гнѣва, можетъ быть, спасетъ тебя отъ своеполезной злости и слѣпой ревности. Она послала тебя въ пещеру, гдѣ я тебя дожидался въ надеждѣ, что мы отвратимъ препятствіе, насъ раздѣляющее, и совокупно защитимся когда она явно за тебя вступаться не можетъ.

Я съ радостію пріемлю твое велико. Душное утѣшеніе, сказалъ я Мораду. Истинное дружество, лутшая замѣна неудачи и любви; да, естли позволишь ты мнѣ, наложить себѣ священное имя друга, кленусь тебѣ, что само завидное Сафирово овладѣніе не поколеблетъ меня опровергать изреченное почтеніемъ и склонностію.

Равныя чувствованія влагають въ меня равныя намѣренія, подхватилъ Морадь; но я предвижу, что должно мнѣ выдержать болѣзненный опытъ. Довольно вѣдаю я, что право мое на Сафирино сердце основано на дѣтскомъ повиновеніи, и я охотно уступлю оное, когда твое, какъ чаю я, произошло отъ склонности.

Я разположенъ былъ дать свободное теченіе моей благодарности, но услышали мы, очень знакомымъ голосомъ произнесенныя слова сіи.

Окончайте ненавистный вашъ споръ, ни кто изъ васъ не будетъ владѣть Сафиною. Щастіе не достанется въ часть сердцу, неимевшему жалости къ Гульруцѣ.

Это сама Гульруца, вскричалъ Морадь, и отдернувъ багряный занавесъ, скрывающій дверь, выработанную изъ выясненной стали сквозными рѣшетками.

Какая непріязненная сила, вопіялъ я съ моей стороны, позволяетъ мертвымъ возвращаться изъ пропасти, насъ отлучающей, дабы гнать невинность! -- -- Нѣтъ, подъ видомъ сего страшнаго лица, зримъ мы не ложно настоящаго Азара.

Такъ, я оскорбленный человѣкъ, котораго ты имянуешь, отвѣчалъ Азаръ, я оскорбленъ собственнымъ своимъ неразумкомъ, что дозволило сердцу женщины, предоставленному людской превратности, собственную надъ нимъ власть. Но какъ изъ подслушаннаго вашего признанія познаю, что честь несчастной сестры моей осталась непорочна, то не должно вамъ доброе имя ее попирать ногами, ни поносишь хладный ея прахъ.

Окончавъ сіе ушелъ онъ, оставя насъ въ безмолвномъ изумленіи.

Теперь, сказалъ Морадь, не должно намъ при видимой опасности быть празднымъ: хотя я тщетно искалъ дверей, выводящихъ къ ближнему лѣсу, коими вошелъ я въ сіе мѣсто когда меня подложное посланіе отъ Сафиры обмануло; но можетъ быть двое будемъ мы въ томъ щастливѣе, или найдемъ другой выходъ, такъ какъ изъ пещеры, про который безъ сумнѣнія Гульруцъ сама не знала. Сафира требуетъ нашей защиты, она предоставлена мщенію неистоваго Азара.

Или любви его, примолвилъ я вздохнувъ.

Воспаленны сими двумя печальными предусмотрѣніями, провели мы цѣлыя три дни въ безплодныхъ поискахъ. Увидѣвъ невольника, подающаго намъ сквозь желѣзную дверь пищу, рождалася и упала надежда наша попеременно; на послѣдокъ нашли его мы, къ прозьбамъ нашимъ толь же нечувствительна, какъ каменную гору, въ которой были заключены.

Морадь по долговременному пребыванію при дворахъ, вѣдалъ, что своекорыстныя сердца не трогаются ни благопристойностію, ни жалостію; и такъ употребилъ онъ средство, кое удобно повредить весь родъ человѣческой; онъ обѣщалъ золото; но и сей металлъ, коего блескъ къ толь многимъ злодѣянїямъ влечетъ, потерялъ въ семъ не умолимомъ невольникѣ

свое дѣйствіе. Сафирино состояніе остаюсь намъ несвѣдомо; даже что и о Гульруцѣ спрашивая, не получили отвѣта; ибо, хотя и видѣлъ я смерть простертую надъ главой ея, но можно было надѣяться и выздоровленія.

Какъ время, по обыкновенію, возвратило намъ полное употребленіе разума, предали мы страхъ и упованіе наше въ руки провидѣнія, и искали печальные часы уяснить разумными разговорами.

Морадъ имѣлъ преизрядное понятіе о человѣческихъ мысляхъ, а я упражнялся въ свободныхъ наукахъ: и такъ наставляли мы другъ друга, и научались взаимно. Въ повѣствованіи моемъ удивлялся онъ больше моему совершенному убѣженію изъ сѣтей Зороастровыхъ, чѣмъ дерзости, меня во оныя повергшей.

Ты оказываешь великое пристрастіе ко мнѣ, сказалъ я ему, естли извиняешь погрѣшность мою; я довольно видѣлъ опасность. Я зналъ, что суевѣріе есть чудовище совсѣмъ инаго свойства, противу всѣхъ дикихъ тварей; ибо коль страшно оно въ рожденіи, толь презрѣнія достойно въ возрастѣ, время притупляетъ его убійственныя когти, и обращаетъ тонкій, проникающій пламень его дыханія, во вредный дымъ, на самага онаго упадающій.

И такъ ты держишь сіе описаніе,-- говорилъ Морадъ съ улыбкою, защитѣ непроницаемый. Нѣтъ, примолвилъ онъ, сила воображенія нарисуетъ предмѣты толь твердыми красками, что разумъ нашъ, въ случаѣ обращенія на оныя нашего примѣчанія, очень часто впадаетъ въ оковы любви или страха. Кисть разума предлагаетъ гораздо искреннѣйшія и не столь опасныя представленія. Человѣкъ любитъ новость; въ цвѣтѣ юности гоняется и ловитъ онъ оную желательно; и часто хватаетъ лишь тѣнь ея, когда уже жизнь его къ концу наклоняется. Размышленіе прогоняется, предразсудокъ занимаетъ его мѣсто, и препровождается упорствомъ. Когда гордость невѣжества возвысится гоненіемъ, то нѣтъ уже средствъ, кромѣ дать ей оstarеть, понеже тѣмъ только можно свободиться сего потомства.

Какъ нашъ премудрый Царь увѣренъ въ сихъ истиннахъ, то пускаетъ мимо глазъ только старыя заблужденія, но новымъ ученіямъ Зороастра сильно противиться: однакожъ никогда невооружалъ противу ихъ силу власти, только изгоняетъ учениковъ сего Обманщика отъ двора; чрезъ что противуставитъ страсть страсти: а потому мало честолюбивыхъ будетъ ревнительныхъ къ толку, который не столько имѣетъ знаменитости, чтобы явно за оный наказывали. Къ нещастію нашей дражайшей Сафиры, родители ея надлежатъ къ малому обществу неразумныхъ. Они предались заблужденію, и лишили чрезъ то ее природнаго покровительства, и ты - - - заслуживаетъ побѣдою надъ онымъ, спасти сію цвѣтущую розу, доколь она не увяла.

Таковыми разговорами раздѣляли мы время, и уже прошелъ цѣлый мѣсяцъ, что мы наши обыкновенныя исканія выхода темницы безъ пользы

производили, какъ возмущены мы были отвореніемъ желѣзной двери. При неожиданномъ стукѣ обнялъ меня Морадъ, обнажилъ свою саблю, давъ мнѣ свой кинжалъ, и сказалъ:

Иди любезный другъ! продадимъ дорого невинную кровь нашу.

Въ такомъ намѣреніи шли мы впередъ, но увидя Сафиру, только двумя невольниками провождаему, уронили изъ рукъ оружіе. Взоры наши питались на прекрасномъ лицѣ ея, и сердца наши трепетали отъ несказанной радости; между тѣмъ вошла Гульруца. Она въ обыкновенномъ платьѣ пола своего казалась полнымъ мѣсяцемъ на ясномъ небѣ; провождалъ ее почтенный мужъ, въ коемъ Морадъ узналъ отца Сафирина.

Вскорѣ за тѣмъ слѣдовалъ Азаръ, который поспѣшными шагами и съ гнѣвнымъ видомъ приблизился къ Мораду. Смотри, глупый Морадъ, сказалъ онъ, обѣихъ сихъ дѣвицъ, коимъ природа толь равно раздѣлила дары свои, что безпристрастный цѣнитель не можетъ рѣшить о нихъ выбора. Одна предметъ твоей любви, незаплаченной любви, а другая несправедливой ненависти. Освободи въ сіе мгновение Сафиру отъ обязательства ея обѣщанія, она должна соединиться съ Сагебомъ, къ коему открыла склонность, прими вѣрную Гульруцу, которая сердце всегда въ любви къ тебѣ было постоянно, и только отъ живаго возрѣнія на Сагеба измѣнилась, въ случаѣжъ противленія твоего, вѣчное заключеніе будетъ казнь твоя.

На слова сіи искалъ Морадъ съ запальчивостію, явственно на лицѣ его сказавшеюся, брошенную свою саблю, но увидя, что взята она невольникомъ, здѣдался онъ какъ левъ, коего ярость еще возрастаетъ, когда найдетъ себя запутанна въ сѣтяхъ охотничьихъ.

Азаръ, сказалъ онъ, твоя вѣроломная сестра могла бы удержать тебя отъ толь подлыхъ угрозъ. Коликократно омывала она слезами своими желѣзныя двери, служившія ей защитою отъ гнѣва моего, сколько разъ обѣщала она отворить оныя, хотя я малое окажу согласіе къ презираемому согласію, кое ты мнѣ предлагать дерзаешь; когда я къ полученію моей вольности ни на минуту не хотѣлъ притвориться, хотя обманъ истинная есть мзда измѣнѣ, то какъ ты думаешь, что покорюсь я твоимъ подлымъ угрозамъ? Нѣтъ, смерть и темницу предпочитаю я Гульруцѣ. Можетъ ли какая изъ дерзкихъ женщинъ, испытавшая подобную судьбу, и презираемая мущиною, употреблять инья орудія, кромѣ приличныхъ полу ея, краткости и благонравія. Напротивъ щастіе не долженствуетъ ли быть наградою Сафириныхъ пріятныхъ добродетелей! Я оставляю ее Сагебу, и если только могу соединить руки обѣихъ сихъ предметовъ любви моей и дружества, презираю потомъ жестокія удары злобы и мщенія.

Морадъ изрекъ сіе съ жаромъ, Азара и Гульруцу приведшемъ въ замѣшательство; онъ приблизился къ Сафирѣ,-- взялъ прекрасную ея руку и хотѣлъ вложить въ мою, какъ отецъ Сафиринъ, ставъ между ихъ, сказалъ:

Государь мой! удержи токъ поспѣшнаго и неодуманнаго твоего великодушія. Сагебъ долженъ прежде произвести справедливое дѣяніе, нежели соглашусь я на соединеніе его съ Сафиною: онъ долженъ загладить поношеніе, оказанное имъ святому Зороастру, признать святость его ученія, и принять его вѣру, и тогда помышлять о бракѣ съ нею.

Румянецъ гнѣва покрылъ лицѣ мое, и предвѣщаль ему отвѣтъ мой, какъ Зороастръ самъ показался. Во взорахъ его была притворная умѣренность, и принужденнее дружелюбіе сидѣло на устахъ его.

Я отвергаю твою неразумную ревность, сказанъ онъ отцу Сафирину, истинна не требуетъ подпоры искушенія. Я отпускаю дорогому моему Сагебу поползновеніе, отъ предразсудковъ воспитанія произшедшее; и если дасть онъ обѣщаніе пробить у меня шесть мѣсяцевъ, чтобы я исподоволь могъ доказать ему заблужденіе его, то дарую его сею вольностію Сафиры и Морада.

Тутъ остановленъ былъ Сагебъ восклицаніемъ царевича Церира.

Коль часто неразумно бываетъ коварство! коль щастливъ былъ ты Сагебъ, имѣя возможность овладѣть божествомъ души твоей, и освободить своего друга соглашеніемъ на прозьбу, готовящую своѣ новое торжество, и новый стыдъ обманщику.

Я такъ же бы, какъ и ты думалъ, сказалъ Сагебъ, если бы справедливая недовѣрчивость къ самому себѣ память прошедшей опасности не умножила, и не противустала любви, гордости и самому священному дружеству когда бы благовременно не извѣдалъ, что малѣйшая нерѣшимость въ вещи справедливости измѣна есть, и отдается въ казнь лжи. Между тѣмъ должно признаться, продолжалъ онъ, что боязненное самосраженіе длилось нѣсколько мгновеній; ибо основанія, говоряція за мои желанія, были очень явны, и чрезъ побужденіе страстей сильный перевѣсъ получили. Но по щастію обратилъ я тогда глаза мои на Морада; я видѣлъ, какъ его блистали гнѣвомъ за мою подлую нерѣшимость. Его великодушное намѣреніе, означенное во всѣхъ чертахъ его, возвратило меня на путь. Предложеніе дѣлаемое мнѣ его взорами, оживило меня, примѣръ добродѣтелей его воспламенилъ меня, и я вскричалъ: Зороастръ! я отвергаю твои обманчивыя предложенія; ибо добродѣтельная и любви достойная супруга, и дорогій и достойный другъ престають быть величайшими сокровищами, когда совѣсть за достиженіе и сбереженіе оныхъ долженствуетъ платить порочную цѣну. Ни когда слухъ мой не заразится соглашеніемъ сердца моего съ ядовитымъ дыханіемъ безбожія, ни когда твое гнусное кумиролуженіе, твой суевѣрный огонь не оскорбитъ паки очей моихъ.

Я никогда, прервалъ слова мои Зороастръ, сложившій всѣ притворства, и пѣнящійся злобою, никогда ни восторжествуешь ты новымъ симъ хуленіемъ; Азаръ, продолжалъ онъ, возми Сафиру отъ руки моей, и въ

награду рѣвности твоей въ разпространеніи истинной вѣры, которой жертвовалъ ты своею любовію, хочу я возвысить сестру твою честію моего ложа. Мы будемъ торжествовать браки сіи во очахъ сихъ окаянныхъ защитниковъ мнимыя правды.

Да -- -- естли они въ томъ не воспрепятствуютъ тебѣ, вскричалъ Морадъ; когда лицемѣрство и подлость дерзнуть выдержать ярость истинны. Сказавъ сіе вырвалъ онъ у близъ стоящаго невольника саблю; а я послѣдовалъ его примѣру.

Азаръ съ толпою невольниковъ своихъ началъ уступать намъ, сталъ за желѣзныя двери, и противился хотя нашей запальчивости, но слабо, какъ Зороастръ возвысилъ голосъ и сказалъ; тебѣ святой огонь оставляю я казнь сихъ хулителей! лиши ихъ сіяющаго твоего изліянія, и повергни въ сіе мгновеніе во тьму вѣчную.

По словахъ оныхъ покрылъ насъ густой туманъ, и загасилъ всѣ лампы: земля разверзалась подъ нашими ногами, и казалось, что мы низпали въ пропасть.

Пришедъ въ себя, нашлись мы по поясъ зарытыя въ песку, и въ толь низкомъ мѣстѣ, что головы поднять не могли прямо. Но мы были вмѣстѣ и Морадъ схватилъ меня за руку.

Сколь мало, сказалъ онъ, разумѣешь по щастію злый смыслъ о истинномъ добрѣ! соединеніе съ другомъ, хотя бы было то въ смерти и гробѣ, есть утѣха, подлымъ и злонравнымъ неизвѣстная.

Да, отвѣчалъ я, они не понимаютъ, что безопасность, равно какъ великодушіе, отъ дружества сообщаются взаимно.

И отважность равномѣрно, примолвилъ Морадъ. Предъупредимъ сей страшный ужасъ смерти, къ коему осуждены мы. Доколь млеющая природа не затмитъ нашъ разумъ и неослабитъ взаимную нашу склонность, проліемъ собственными руками, еще кипящую чистыми и благородными намѣреніями кровь нашу, прольемъ ее предъ тѣмъ, который далъ животъ намъ, и владѣетъ нашими дня, мы, противу воли тѣхъ, кои присвояютъ себѣ власть его.

О другъ мой! отвѣчалъ я, какъ можешь ты въ одно время сію вышнюю силу признавать и отвергать? Естли она не опредѣлила еще насъ къ смерти, то вся злость созданныхъ существъ на жизнь нашу слаба; и вѣдаешь ли, что можетъ въ сіе уже мгновеніе легионы Ангеловъ, ожидающихъ его повелѣній, разсѣкаютъ быстрыми крылами своими дрожащій воздухъ, къ намъ спѣша на помощь. Помысли, что покореніе воли небесъ всегда сопровождается спокойствомъ, раскаяніе напротивъ неразлучный спутникъ отчаянія; дай мнѣ несчастное оружіе, коимъ вооружилъ ты себя къ справедливому защищенію; ибо хотя и увѣренъ я, что притупится оно невидимою рукою, когда точная воля Всевышняго владѣтеля желаетъ спасти насъ, но я не могу

выдержать помышленія, чтобъ возможно было мнѣ замараться дражайшею твоею кровію.

Морадъ, тронутый моимъ состраданіемъ, предался моимъ прозьбамъ, и былъ тотчасъ награжденъ за дружеское свое повиновеніе.

Вдругъ двери отворились, и Гулруца стояла предъ нами съ Фанеломъ.

Морадъ, сказала она: для вольности, которую тебѣ возвращаю, для друга, коего пріобрѣлъ ты чрезъ дѣйствіе слѣпой страсти моей, прости мнѣ изступленія, справедливо тобою проклинаемыя. Сагебъ, взирай на сіе, какъ на знакъ благодарности моей и признанія -- ты ослабилъ ударъ, направленный въ сердце мое, ты учинилъ убійственной поднятой на меня рукъ остановку. Не причитай мнѣ, чтобъ я толь худо заплатила твои ласки. Братъ мой посланъ былъ отъ Зороастра, гнать тебя; я сообщила ему о несчастномъ случаѣ истинное извѣстіе, я учинила въ преступленіи моемъ чистосердечное признаніе; но ложная гордость, любовь, и болѣе, нежели все то суевѣрство, сдѣлали его неправеднымъ. Между тѣмъ не безпокойтесь о Сафиръ, Гулруца удержитъ привыкшую къ ней отвагу, доколь она противу всѣхъ, которыхъ вы оскорбили и обругали, найдется въ безопасности, и прежде умереть, нежели допустить ее быть жертвою жестокости.

Сказавъ сіе, вывела она насъ путемъ, котораго мы толь долго тщетно искали, въ лѣсъ. Тамъ оказали мы ей обязанную благодарность и разстались.

Мы спѣшили въ Гератъ, откуда Морадъ послалъ искуснаго и вѣрнаго невольника примѣчать, что произойдетъ въ замкѣ. Сей привезъ намъ пріятное извѣстіе, что Сафира и Гулруца въ ночь нашего освобожденія ушли; и Азаръ, который объявля себя сообщникомъ Зороастра, не могъ показываться явно, разослалъ невольниковъ искать насъ, подозрѣвая, что мы находимся вмѣстѣ съ ушедшими.

Когда безбожіе удерживается брздами страха, тогда оно опаснѣе, нежели въ свободномъ своемъ теченіи; оно по тому часто изобрѣтаетъ средства, коихъ и предвидѣть не можно, для сего просилъ я Морада оставить Гератъ, и путешествовать со мною. Въ началѣ представленія мои были бесполезны. Огонь гнѣва пылалъ въ его сердцѣ, и онъ не издыхалъ, кромѣ страшнаго мщенія.

По чему искалъ я напасть на него съ стороны великодушныя гордости. Враги наши, говорилъ я, довольно подлы, чтобъ можно было ожидать отъ нихъ соразмѣрнаго чести удовлетворенія, и много думать, чтобъ предать ихъ въ руки власти. По тому останемся мы въ опасности тайнаго поиска измѣны, но гораздо благоразумнѣе сдѣлаемъ, оставя зло собственному грызущему помышленію, и ярость бесплодныхъ поисковъ въ сердца сихъ нечестивыхъ. Мы теряемъ надежду, видѣть когда нибудь Сафиру; можетъ быть благосклонное щастіе или провидѣніе доведешь, насъ къ ея пребыванію.

Я уступаю твоимъ убѣдительнымъ основаніямъ, другъ мой! отвѣчалъ Морадъ. Наказаніе Зороастра и Азара купится дорого, еслии будетъ намъ стоить хотя малаго стыда, или когда противосмѣнишь тому защищеніе любви достойной Сафиры, и, можно прибавить, и великодушной Гульруцы. Последнее добродѣтельное дѣйствіе сей несчастной сестры Азаровой, очистило для ней мѣсто въ моемъ сердцѣ, которымъ владѣла она во время, какъ пріятнымъ и кроткимъ обхожденіемъ подъ именемъ брата своего сыскала мое дружество. По истиннѣ Гульруца есть достопамятный примѣръ, что возвышенная душа, хотя овладенна будетъ жестокостію страстей, но не на долго останется въ паденіи, и часто совсѣмъ неожиданно, возсіяетъ новооживленными лучами.

Какъ Локманъ повелѣлъ мнѣ посѣтить Королевство Туранъ {*Великое и прекрасное Королевство Турамъ, кое отъ Грековъ Согдіана называется, надлежало прежде къ Персидской Монархіи, но отдѣлено отъ онаго Царемъ Феридномъ, при раздѣленіи ея обширнаго владѣнія своего между сыновей его. Сей раздѣлъ былъ источникъ вражды между Иранцовъ и Туранцевъ, производящихъ имянованія свои отъ Королей Ирага и Тура, и коихъ пламенная ненависть тѣмъ была закоренѣлье, что утверждалась на точныхъ и продолжительныхъ свидѣтельствахъ.*}, то обратили мы во оное путь нашъ въ препровожденіи нѣсколькихъ избранныхъ невольниковъ, неоставляя дорогою освѣдомляться о Гульруцѣ и Сафирѣ.

Надежда наша найтить сихъ прекрасныхъ бѣглянокъ во время пути, не вовсе была не основательна. Гульруци могла разумно заключить, какъ заблужденіе Зороастрово разпространилось въ Иранѣ, то оставалась опасность, въ которомъ бы мѣстѣ сего Королевства ни избрала она себѣ прибѣжище, встрѣтиться съ измѣнниками; напротивъ Туранцы питали великую ненависть къ мнимому пророку древнихъ своихъ непріятелей, и можно было у нихъ жить безопасно.

Сіе національное огорченіе усматривается отъ нѣкоторыхъ за преграду, не допускающую сообщать другъ другу своихъ пороковъ. Но какъ можетъ вещь сама по себѣ злая, произвести нѣчто дѣйствительно доброе? Можетъ ли змѣя высидѣть голубей? Самое имя враговъ острить жало подражанія, а сіе подражаніе въ человѣческомъ родѣ вообще есть зависть, и обыкновенно прилепляется къ худымъ предмѣтамъ, кои суть истинная ея пища. Когда по тому страна каковая видитъ у другой, которая ей противится, возстающія новыя пороки иди глупости, съ начала сильно вопіетъ противу оныхъ, но ненадолго, и выводитъ сама на свѣтъ чудовище, еще мерзестнѣйшее ея проклинаемаго.

Продолжительныя и жестокия войны между Ирака и Турана доставляютъ намъ многія примѣры сего рода. Однако тогда, какъ мы съ другомъ моимъ переправлялись за рѣку Геонъ {*Рѣка Геонъ есть древній Оксъ, которую Греки часто называютъ Бактромъ.*}, жили они въ мирѣ.

Едва вступи ли мы въ неизмѣримую долину Маваннахаръ, то нашли подтвержденіе пословицы: когда ястребъ съ орломъ живутъ въ мирѣ, то на самихъ себя обращаютъ свои когти.

Сія пріятная долина не имѣла уже слѣдовъ естественныя своей прелести: журчящія ея потоки не могли украшаться чистою водою, оживлявшею цвѣтущіе берега: изобильное дно не являло уже всегда зеленѣющихъ и свѣжихъ ковровъ, она текла кровію, и покрывалась разтерзанными человѣческими тѣлами.

Освѣдомляясь о причинѣ сего ужаснаго позорища, узнали мы, что взбунтовавшіеся подданные встали противу Государя, и что по нѣсколькихъ жестокихъ сшибкахъ на Парасангу отсюда разстояніемъ, происходитъ рѣшительное сраженіе.

Юныя сердца наши воскипѣли желаніемъ чести, мы поспѣшили на побоище, и прибыли въ самое то мгновеніе, какъ войско Королевское пришло въ замѣшательство, и самъ онъ окруженный непріятелями, въ крайнѣйшей былъ опасности, потерять жизнь или свободу.

Сабли наши отверзли намъ путь, мы приблизились къ малому числу ратниковъ, защищающихъ своего Монарха, и Морадъ кричалъ онимъ:

Государь! крыль побѣды распростерты надъ священной твоею главою: пришла помощь отъ Ирана. При семъ возгласеніи, подтвержденномъ нечаяннымъ вашимъ прибытіемъ, бунтовщики объята поразительнымъ страховка, начали отступать, вѣрныяжъ подданныя напротивъ почерпнули новую смѣлость, и съ двойною отважностію возвращались на битву.

Морадъ ощутивъ щастливую удачу своего обмана, повторялъ радостную вѣсть сію по всѣмъ взводамъ, остановилъ бѣгущихъ и предводительствовалъ ими съ храбростію славнаго Рустема.

Какъ Король не совсѣмъ еще освободился отъ разъяренныхъ враговъ своихъ, то я сражался близъ его, я имѣлъ троекратное щастіе, защититъ его отъ опаснѣйшихъ нападений; Морадъ подоспѣлъ къ намъ вскорѣ, преслѣдовалъ съ своими выгодами, и одержалъ совершенную побѣду. Иныя возмутители спаслися бѣгствомъ, прочіяжъ положили оружіе, просиди пощады, и выдали взятыхъ въ плѣнъ, между коими находился Везиръ предводительствовавшій войскомъ.

Король Афрасіабъ, торжественно входя въ городъ Цаминъ *{Въ окрестностяхъ Цамина собираютъ лучшую манну изъ всей Азійской.}*, нашель, что сею нечаянною щастія переменною долженъ только одному Мораду и мнѣ, почему взиралъ на насъ, какъ на существа чрезъестественныя. Но какъ мы съ великимъ трудомъ избавили его отъ сей ошибки, то благодарность его была безпредѣльна. Однакожъ сердце его имѣло ко мнѣ нѣкоторое пристрастіе; онъ почиталъ въ Морадѣ своего благодѣтеля, но меня любилъ, какъ друга.

Преизящныя свойства сего Государа учинили мнѣ Монаршую его щедроту драгоцѣннѣе; равенство возраста и нравовъ произвели тотчасъ довѣренность, рѣдко случающуюся между Государемъ и частнымъ человѣкомъ. Великодушный Морадъ радовался о моемъ возвышеніи, которое однако неусыпляло моего разума, коль ни нравилось моей суетности. Можетъ охраняла меня только любовь къ Сафирѣ, коею сердце мое было занято, и по которой вздыхало; отъ сего скрытаго камня честолюбія, можетъ быть, недостигъ я еще тѣхъ лѣтъ, чтобъ найти оное толь опасно, каково оно въ среднемъ возрастѣ. Но какъ сладкое куреніе ласкательства безпрестанно окружало меня; какъ блистающія лучи славы сіяли надъ моей главою, думалъ я, находить себя щастіемъ моимъ восхищенна; и сіе мнѣніе предоставило меня новымъ искущеніямъ, но кои гораздо были легче всѣхъ до толь мною выдержанныхъ.

Молодая Королева при гордости красоты, имѣла желаніе надъ духомъ Короля супруга своего владѣть неограниченно; но сей соединялъ весьма премудро угожденія, надлежащія къ нѣжностямъ супружества, съ приличнымъ Монарху постоянствомъ. Онъ тогдашняго Везиря своего воздвигъ въ сіе достоинство, не спрашиваясь съ честолюбивою Королевою, и нашедъ онаго повѣренности своей достойнымъ, поручилъ ему мѣсто оное, на всѣ происки и обвиненія въ несчастныхъ произшествіяхъ не взирая. Но какъ кротъ не можетъ имѣть понятія о остромъ зрѣніи орла, такъ не достигаетъ мрачность злобы пронизанія премудрости, и приписываетъ всѣ разумныя опредѣленія слѣпому случаю. Равно воображала Королева, что старая склонность въ сердцѣ Афрасіаба должна будетъ уступить мѣсто новой, по чему думала она, въ склонности мною получаемой, и въ стремленіи къ нераздѣлимой власти, кое мнѣ присвоила, найти средство къ устройенію гибели Везиря; и безъ сумнѣнія не была на безъ надежды, но одно время и мое опроверженіе на томъ же пути установить.

Но поелику несли тала безопаснымъ ввѣрить мнѣ тайну алаго своего предпріятія, то послала она любимца своего къ Мораду съ двумя начальниками войска, кои подтверждали, что Везиръ преданъ Короля измѣнникамъ, и священную его особу предоставивъ опасности, отъ коей нами избавленъ. Требовали отъ меня, выслушавъ сихъ доносителей, быть при ихъ допросахъ, и употребить силу мою у Короля, къ совершены достойнаго наказанія виновному Везирю.

Неудовольствіе мое при хладности, съ каковою мнѣ Морадъ сообщилъ доносъ сихъ недостойныхъ представленныхъ при томъ клеветниковъ, ни съ кѣмъ не можетъ сравниться, какъ съ его изумленьемъ, когда онъ видѣлъ съ каковою ревностію взялся я за толь постыдное дѣло.

По желанію моему допущены мы тотчасъ предъ Короля, коему я говорилъ слѣдующее:

Сильный повелитель народовъ, раздаятель благодарній небесъ, и хранитель то правосудія, приклони милостивый слухъ въ прошенію раба твоего. Ты видишь у престола твоего двухъ доносителей на достойнаго Везиря, избраннаго твоею премудростію. Не дай свѣту, толь высоко поставленному тобою для освѣщенія народу твоему, помрачится отъ злыхъ паровъ ненависти, и позволь мнѣ власть, естли не докажутъ они ясно своихъ доводовъ, наказать таковое великое преступленіе жесточайшими муками; но естли рабы твои раскаются, прежде нежели святой воздухъ, тобою вздыхаемый, осквернится духомъ клеветы ихъ, естли признаются они въ таинствѣ неправды, то не уничтожь сіи слабыи орудіи злости.

Когда Король далъ мнѣ знакъ о своемъ на то благоволеніи, обратился я къ онымъ трепещущимъ бездѣльникамъ, кои въ мѣсто чаемой во мнѣ подпоры, нашли строгаго судію, и сказалъ имъ: говорите смѣло истинну предъ вашимъ Монархомъ, живымъ изображеніемъ самаго Вышняго правосудія, и изреките сами собственный свой приговоръ.

Они ни чего не отвѣтствовали, но лица сихъ поддыхъ клеветниковъ изображали вину ихъ. По сему Король повелѣлъ намъ отступить, желая наединѣ оныхъ выслушать, но прежде велѣлъ возложить на нихъ тяжкія цѣпи.

Между тѣмъ приближился ко мнѣ Морадъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, ибо далъ онъ мѣсто скорому сумнѣнію о моихъ намѣреніяхъ, и обнялъ меня съ восхищеніемъ друга, радующагося о добродѣяніи своего возлюбленнаго.

Вскорѣ за тѣмъ позванъ былъ я къ Королю. Я нашель его одного лежащаго на софѣ. Подавляемые его вздохи открыли мнѣ жестокое сраженіе въ груди его происходящее; нерѣшимость безпокойныхъ его мыслей, означивалась во взорахъ его какъ я стоялъ предъ нимъ погруженъ въ безмолвное состраданіе, уяснилось лицѣ то, онъ подалъ мнѣ руку, и сказалъ.

О! могули я имѣть право желать благополучія? Не лишаетъ ли меня невластное бремя Королевскаго достоинства имѣть истиннаго друга? Приди любезный Сагебъ, отвергнемъ глупое различіе, введенное властвующею гордостію и слабою подлостію между человѣковъ. Равность есть твердое основаніе взаимныя довѣренности; и что можетъ намъ доставить сіе утѣшеніе? Поистиннѣ! не верьхъ величества, окружаемый мрачными облаками прискорбій и безпокойства, онъ подобенъ славѣ неприступной горы обитаемой родомъ злыхъ духовъ. Еще я говорю; забудемъ сія бѣдныя достоинства: садись ко мнѣ, и внимай жалобы мои.

Ты знаетъ дикость народа, чѣмъ принужденъ я именовать моихъ подданныхъ. Сіи кровожадливые люди не могутъ низко жить, кромѣ какъ сражаясь и враждуя внѣ или внутри отечества. Не можно, что предки мои часто съ сосѣдними владѣльцами вели войны не праведныя, чтобъ только избавиться тѣмъ возмутительной страсти своихъ подданныхъ. Но я удаленъ

сего порочнаго искусства правленія. Когда угодно провидѣнію, предпоставить меня въ зараженную атмосферу, справедливо ли вносить ядъ свой въ чистѣйшій воздухъ, одаренныхъ лучшимъ жребіемъ? Отнюдь нѣтъ. Хотя по тому въ малые годы моего владѣнія бунтъ, чудовище, часто зіяль на меня страшною своею пастію, желая поглотить меня, но я однако, не находя законной причины, нападать на моихъ сосѣдей, не хотѣль лишить ихъ сладкаго покоя мира, для того единственно, что самъ онаго вкушать не могъ.

Возшедь на престоль, посвятиль и себя лучше благодѣнствію моего народа, и даже жизнь мою онаго несправедливости, чѣмъ бы самому быть несправедливу; но не безъ огорченія приносилъ я ему сію жертву; хотѣль сложить мое достоинство, ни что кромѣ представленія Локмана не могло склонить меня подвергнуться волѣ небесъ.

Многочатныя побѣды Каяхозру усмирили Туранцевъ; съ благодарностію приняли они миръ, пожалованный имъ добродѣтельнымъ Логоразвомъ, они почитали престарелаго моего родителя, долговременно сражавшагося съ щастіемъ и собственною склонностію, чтобъ только удовлетворить ихъ ненавистной охотѣ въ войнѣ.

Хотя нѣжная отрасль жизни моей произошла на суровомъ полѣ раздора и напоена была потоками крови, но цвѣты моихъ желаній жаждали росы просвѣщенія. Наука удержать человѣческую природу, казалась мнѣ гораздо предпочтительнѣе искусства оную повреждать.

Я открыль сердцѣ мое тому преизрядному мужу, коего добродѣтели избавили вы, отъ вопля злодѣйскаго. Отъ привелъ меня къ многимъ геройскимъ дѣяніямъ: онъ обѣщался привести меня къ источнику премудрости, великому Локману.

Необычайное спокойство, не вкушалъ Король отецъ мой; учинило его склоннымъ къ желанію моему, онъ далъ мнѣ на то соизволеніе свое но съ условьемъ, между непріятелями содержалъ я себя скрытно.

Въ слѣдствіе воли его, предпріяль и сію длинную ѣзду только съ моимъ предводителемъ въ препровожденіи нѣскольکو невольниковъ, и старался какъ возможно въ проѣздѣ сквозь королевство Иранѣ миновать главныя "наго города.

Какъ я въ Немень прибыль прежде времени, назначеннаго къ опыту Лавиринфа, то остался я въ Локмановыхъ полатхъ, и получивъ склонность къ простой жизни, слышать премудраго, дѣлать разсужденія о словахъ его -- доставляло мнѣ удовольствіе, котораго воображаемый вкусъ высочества никогда принести не могъ. Услышавъ, что духи хранители отдали славный садъ иремъ {Земный рай Азіатовъ, который по ихъ преданію насажденъ Ангелами-хранителями по желнію царя Шеддара.} подъ смотреніе Локманово, и могъ онъ дозволить мнѣ, провождать жизнь мою въ семъ увеселительномъ обиталищѣ, то помышленіе о толикомъ благополучіи, воспламенило мысль мою, попросить о семъ, при назначеніи позволяемыхъ Локманомъ желаній.

Строгий, однакожь улыбкою сожалѣнія умягченный взглядъ, возвѣстили мнѣ несоглашеніе на оное премудраго, который отвѣчалъ мнѣ тако.

Принцъ! я оплакивалъ бы судьбу твою, ежели заключаемое небомъ не было за всегда лутшее. Свѣтская жизнь твой жребій. Родитель твой отшелъ отъ безпокойнаго позорища свѣта сего, ты долженъ заступитъ мѣсто его, и принять королевское достоинство. Содержи себя вѣрно, въ важномъ чинѣ тебѣ ввѣряемомъ. Правосудіе и милость да провождаютъ слезы твои на сей, терніемъ заросшей стези, которою ты пойдешъ, тогда достигнешъ ты сѣни, покоя и удовольствія, коя превосходнѣе самага Ирема, и предоставленная въ награду испытанныхъ добродѣтелей.

Слова сіи приключили мнѣ неописанную горестъ; съ слезами сыновней любви мѣшалъ я тѣ, коими себѣ долженъ былъ, разсматривая, что имѣю заступитъ теченіе, въ которомъ отецъ мой столь мало нашелъ покоя. Въ скорби сердца моего вопіялъ я: о! какъ возможно Всевышнему Существу, вѣдая коль трудно владѣть человѣку самимъ собою, дѣлать его владѣніемъ надъ прочими? Божеское ли опредѣленіе Королевское Высочество?

Нѣтъ, отвѣтствовалъ Локманъ; разумъ долженъ быть естественный начальникъ человѣческаго рода, и онъ не можетъ насъ привести въ заблужденіе, когда сообщено съ нимъ понятіе, что Всевышній видитъ наши дѣянія. Но какъ большая часть человѣкъ отвергла сихъ обоихъ не обманчивыхъ предводителей, то оставлены они начальству страстей своихъ; отъ нихъ бывають люди влачimy тяжкими цѣпями слѣпыхъ тирановъ, вмѣсто, чтобъ слѣдовать свѣтлыми шагами стопамъ ясныхъ своихъ предводителей. Между тѣмъ провидѣніе иногда посаждаетъ на престолъ мужа, премудростію одареннаго, и ктобъ былъ сей, надѣющейся получить отъ неба милосердіе, когда онъ противится быть орудіемъ, раздающимъ милости онаго? Возвратись въ государство твое, и вмѣсто, чтобъ желать свободы отъ безпокойства, желай лучше мужества и постоянства сносить оное. Но прежде, нежели ты отъѣдешъ Принцъ, приими обнадеженіе въ моемъ почтеніи, и всякой защитѣ, каковую только я тебѣ сообщить въ состояніи.

Положась на твердость сихъ обѣщаній, воззрѣлъ я на себя, любезный Сагебъ, и друга твоего Морада, яко на двухъ духовъ хранителей, посланныхъ ко мнѣ отъ Премудраго, а особливо когда мнѣ вспомнилось, что видѣлъ я васъ между юношами, кои, какъ ясныя звѣзды, блистали на ясномъ небѣ двора его, и казались небеснымъ воинствомъ.

Радость, съ каковою приняли меня мои подданные, не отвела ужаса сердца моего. Я зналъ довольно, что большая толпа всегда восхищается перемѣною; но мнѣ уже не оставалось ободрять опасности моего званія, но только должности онаго имѣть предметомъ примѣненія.

Хотя я ни малаго виду не замѣчая къ моему благополучію, но прилѣпился однако въ мыслямъ въ домашней довѣренности найти утѣшеніе: но и сіе

чрезъ мое несчастное достоинство учинилось почти не возможнымъ; выборъ супруги былъ мнѣ труднѣ послѣдняго моего подданнаго.

Свѣдомо мнѣ было, что приказъ мой, подобно силѣ весенняго солнца, могъ садъ моихъ забавъ наполнить цвѣтами красоты; но скоро увядаетъ роза, и влюбленный соловей *{Азіатцы утверждаютъ, что соловей влюбленъ въ розу.}* находить терніе тамъ, гдѣ ожидалъ удовольствія.

Что лежитъ до совершенствъ нрава, источника супружескаго щастія, какъ можетъ Король испытать сердце женщины, робѣющей или лукавой? Онъ, исключенный отъ вольности обращенія, когда сія работа толь отяготительна и тѣмъ, коимъ равенство состоянія дозволяетъ свободное обхожденіе.

Всего меньше удобно положиться ему ни подлодушныхъ людей, престолъ его окружающихъ, въ словахъ коихъ съединены рабство, лестъ и обманъ.

Сіи были мои разсужденія, они были мои печали: но случилось со мною, какъ съ человѣкомъ, стоящимъ на краю глубокой пропасти, съ трепетомъ озирающимся, доколь отъ взора окружающей опасности нападennyй обморокомъ, опровергается онъ въ бездну.

Несчастная необходимость войны принудила отца моего, свести съ престола данника своего Короля Котскаго, и посадить на мѣсто его Принца тогожъ поколѣнія, оказавшаго ему нужныя услуги; но Котеніанцы вскорѣ возмутились противу его, и онъ принужденъ былъ въ Туринъ уйти. Отецъ мой принялъ его, какъ Короля, и пролилъ рѣку щедротъ на главу его: но онъ не хотѣлъ защищать его противу народа, коего преступленіе состояло въ единой вѣрности къ природному своему государю.

Недовольный Принцъ, оставилъ моей неискусной молодости, произведеніе сего несправеднаго дѣйствія, и разставилъ мнѣ сѣти, запутавшія меня въ таковыя безпокойства и отягощенія, кои чувствительному сердцу гораздо больше, нежели удары несчастія причинили.

Въ томъ какъ мысли мои гонялись по волнамъ нерѣшимости, въ разсужденіи прежде сказанной вещи, пригласилъ меня Принцъ сей въ великолѣпному пиру, учрежденному въ драгоцѣнныхъ полатахъ его, лежащихъ на берегу рѣки Геона.

Посреди радованія и торжества, когда обносимые кубки духъ мой поразгорячили и затьмили разумъ, палъ сей лукавый Принцъ предо мною на колѣна, и говоритъ.

Ты видишь, о великомочный Король, вѣрнаго раба у ногъ твоихъ, который наконецъ въ состояніи оказать свою благодарность за милости оказанныя ему тобою и Королемъ родителемъ твоимъ. -- Я сберегъ драгоцѣнность неоцѣняемую, я готовъ вручивъ тебѣ оную, естли удостоить меня довести тебя къ мѣсту, гдѣ оная отъ всѣхъ взоровъ прилѣжно скрывается, и только твоимъ предоставлена.

Отмѣнное привѣтствіе вобзудило мое любопытство; я повелѣлъ стражѣ моей остаться въ столовой комнатѣ, и слѣдовалъ за Принцомъ въ веселую

бесѣду, въ отдаленной части сада. Тамъ нашелъ я молодую дѣвицу, которая красота всякое описаніе превосходила. Она сидѣла на зеленой сафѣ, изъ фиалокъ и гиацинтовъ составленной, но кроткой блескъ очей ея, живорасположенные локоны волосовъ ея затмѣвали всѣ воспѣваемые похвалы прелестямъ цвѣтовъ сихъ. Знатный тюльпанъ и гордая лилія уклоняли предъ ней главу свою, и равно какъ бы признавались, что цвѣтъ щекъ ея далеко возвышенъ надъ живыми ихъ красками; розы и жасмины обвиваясь кругомъ, казались быть въ спорѣ, котораго изъ нихъ запахъ и видъ ближе сходствуетъ съ благоухающими устами ея и бѣлѣйшей грудью.

При семъ неожиданномъ восхитительномъ взорѣ, остановился я въ безмолвномъ изумленіи, поколь застыдившаяся дѣвица, искала божественное лице свое закрыть рукою, и Принцъ ей сказалъ:

Удержись, моя любезная дочь; взирая на любви достойнаго Монарха, коему посвятила ты склонность сердца твоего: можетъ удостоить онъ тебя милостиваго возрѣнія; и ты, о Государь! приими сію жертву. Жена конечно есть вещь драгоцѣннѣйшая, естли нравъ ея украшенъ толикими добродѣтелями, коликими видъ сей прелестями.

О! сей подарокъ конечно драгоцѣннѣйшій, и тысячекратно пріятнѣйшій, вскричалъ я. Не въ силахъ былъ я произвестъ больше ни слова; между тѣмъ схватилъ я упадшую на колѣна красавицу въ объятія мои. Исступительныя восхищенія и слѣпая любовь, были единое за тѣмъ послѣдство. Я не удержалъ никакъ нетерпѣливость моихъ желаній, и ужасался предать себя, хотя на мгновеніе мыслямъ, воображаемаго о благополучіи моемъ; свадебныя обряды начаты, и въ пьянствѣ моемъ достигли конца своего.

Когда послѣ восторговъ настали размышленія, то былъ я примѣчанія достойнымъ примѣромъ, коль скоро усыпляется разумъ не обыкновенными утѣхами; я не проклиналъ поспѣшный мой поступокъ, какъ ни противень оный былъ прежнимъ моимъ зоключеніямъ; я приписалъ оный неминуемой судьбѣ, и остался жребіемъ моимъ доволенъ.

Непремѣнились во мнѣ разсужденія таковыя, пока я по смерти стараго Везиря, отцемъ моимъ поставленнаго, возвелъ Неримана на его мѣсто. Надмень мыслями оказался родственникамъ и народу моему справедливости, спѣшилъ я къ Королевѣ, дабы толь дорогой общницѣ сердца моего сообщить мое удовольствіе; но какъ велико было мое изумленіе, когда она въ слезахъ, упрекала мнѣ за недостатокъ любви и почтенія, что я ее въ случаѣ семъ въ совѣтъ не призвалъ.

Хотя такое дерзкое желаніе не меньше ужаснуло меня, какъ и оскорбляло, но успокоилъ я огорченіе ея, и разумъ мой подалъ опять случай стыдиться сего неразумнаго сочетанія, въ которомъ я толь глупо предался искушенію чувствъ моихъ. Наконецъ просили она о томъ, что уже давно было въ мысляхъ ея, чтобъ отдать мѣсто оное отцу ея, и невзирая на суровый мой отказъ, съ тѣхъ поръ не перестала беспокоить меня тѣмъ.

Иногда ласкаетъ она себя дыханіемъ нѣжныхъ своихъ моленій охладить склонность мою къ правосудію, и потокомъ своихъ страстей поколебать мое постоянство.

Между тѣмъ извинялъ я всѣ таковыя разпространенія дѣтскою ея любовію, къ родителю. Но сообразенъ ли съ тѣмъ порокъ, выдуманнаго къ подкрѣпленію ея несправедливости постыднаго оклеветанія, и когда она подданныхъ моихъ запутала въ сѣти своекорыстія?

Долго уже выдерживалъ я болѣзнь отъ меда мнимой пчелы, должно ли мнѣ представлять еще себя опасности, когда я открылъ, что угрызаетъ меня ядовитый скорпіонъ? Какъ могу я скрыть позоръ мой отъ стоглазной ненависти, примѣчающей всѣ дѣла мои; чѣмъ могу я обнадежиться въ молчаливости тѣхъ людей, кои доказали мнѣ, что злобный ковьъ происходитъ отъ того вреднаго нрава, на который я по многимъ причинамъ имѣлъ подозрѣніе? Какъ могу я наказать виновныхъ? и ах! какъ можно мнѣ отъ нихъ разлучиться?

О Сагебъ! ты знаешь должности Короля и слабости человѣка; будь вѣрный совѣстникъ и сострадающій другъ: раздѣли со мною бремя печали, подъ коею зыблется мое постоянство, соедини не согласныя мысли мои, посреди которыхъ разумъ, не взирая на искренность намѣреній моихъ, туда и сюда бродить.

Да, дѣйствительно, великій и добродѣтельный Король! сказалъ я, ты можешь повелѣть ревностію раба твоего, и быть обнадеженъ, что сердце твоего Сагеба понурается твоею скорбію. Но что бы учинился я достойнымъ полагаемой на меня довѣренности, дозвожь мнѣ прежде поговорить съ строгостію, кою вы сами на себя обращаете.

Кто есть, устоявшій крѣпко на скользкомъ пути, на коемъ ты претерпѣлъ паденіе? и гдѣ найдемъ мы побѣжденнаго любовію, который бы восталъ защищать дѣло справедливости? Въ слабости своей доказалъ ты свою крѣпость; и ты будешь предметомъ всеобщаго удивленія, если только поврежденныя глаза человѣковъ по обычаю не увеличатъ проступокъ, и уменьшатъ добродѣтель.

Однако тайности сего дня не ввѣримъ мы симъ превратнымъ судіямъ. Я уговорю обоихъ людей, могущихъ распространить первое дѣйствительное преступленіе Королевы, оставить Государство. Не умножай бѣдность состоянія твоего тѣмъ, что ты прекрасный цвѣтъ твоей нѣжной склонности толь поспѣшно сорвалъ. Садовникъ печется уничтожить червя, подгрызающаго корень прекраснаго растѣнія прежде, нежели срываетъ оное совсѣмъ. Открытіе злаго предпріятія, исполняетъ стыда не вовсе поврежденное сердце; и раскаяніе есть битая дорога къ добродѣтели.

По меньшей мѣрѣ должно мнѣ испытать сперва кроткое средство, тобою предлагаемое, отвѣчалъ онъ: ибо настоящій искусъ свидѣтельствуешь мнѣ

истинну словъ твоихъ, и я познаю, что о добротѣ земли можно заключить прежде по проникающей ея росѣ, чѣмъ по наводняющему ливному дождю.

Нѣсколько дней спустя послѣ сего разговора, Афросіабъ, получившій прежнюю свою ясность, повелѣлъ сдѣлать пріуготовленія къ празднеству Нуруца {Нуруцъ день новаго года у персіанъ. Они празднуютъ оный, когда солнце вступитъ въ овна. Гемшидъ четвертый Царь перваго поколѣнія, называемаго Пишдадиамскимъ, при введеніи солнечнаго года установилъ сей праздникъю}. Онъ оказалъ мнѣ честь, изречь меня предводителемъ юношества, назначеннаго къ рыцарскимъ подвигамъ, и сдѣлалъ мнѣ Королевскій подарокъ, осаженныхъ дорогими камнями, платьемъ и окованныхъ золотомъ оружіемъ.

Пышность таковая была весьма по вкусу моего возраста, чтобы не восхищался я лестнымъ предпочтеніемъ и блестящими игрушками; но побѣда суетности моей была совершеннѣе, когда Королева по утра праздника, прислала мнѣ прекрасную Арабскую лошадь, на коей сѣдло и узда осыпаны были яхонтами и изумрудами неизмѣримой цѣны.

Невольникъ, вручившій мнѣ знатный сей подарокъ, сказалъ мнѣ на ухо, что сіе дань благодарности. Разумъ словъ сихъ былъ для меня не труденъ, и я оказалъ за то чувствительное признаніе. На лицѣ Моратовомъ оказалась улыбка о моей ребячей радости, но въ удовольствіи моемъ принималъ онъ искреннее участіе.

Когда напоследокъ я убрался великолѣпно, и готовъ былъ острогами нетерпѣливости гнать коня моего, и на сей конецъ хотѣлъ уже схватить поводъ подареннаго убора, Фируцкай старый служитель Локмановъ, коего назіранію ввѣрилъ онъ мою молодость, удержалъ мой руку, и сказалъ:

Премудрый Локманъ повелѣваетъ тебѣ въ сіе мгновеніе оставить Королевство Туранское, и слѣдовать за мною. Нѣтъ тебѣ нужды беспокоиться о надобностяхъ, я имѣю для тебя пристойное платье, и коней быстрѣйшихъ вѣтра; ты вѣдаешь, что послушаніе не должно оглядываться.

Морадъ, слышавши сіе повелѣніе, и вида во взглядахъ моихъ повиновеніе, вскричалъ:

Преизящный Локманъ безъ сомнѣнія не воздвигъ мечъ разлуки между Сагеба и Морада!

Общество таковаго друга не можетъ быть воспрещено, отвѣчалъ Фируцкай, и пошелъ предъ нами. Мы слѣдовали за нимъ, и по слову его приказали невольникамъ нашимъ, кои между тѣмъ поудалялись было, остановась, дожидаться повелѣнія.

Потомъ оставили мы городъ Цаминъ, и достигли рѣки Геона, гдѣ вошли въ готовое для насъ судно. Теперь, сказалъ Фируцкай, должно мнѣ возвратиться ко двору Афрасіаба; дождитесь меня на другой сторонѣ рѣки.

Должно признаться, что послушаніе мое не было безъ заслугъ; между тѣмъ лишеніе почести и удовольствъ, толико мнѣ нравящихся, и внушеніе

коихъ толь близко было, не оставляло сердцу моему болѣзненныхъ ощущеній, кромѣ кажущейся неблагодарности къ Афрасіабу.

Я не искалъ скрывать воздыханій моихъ предъ Морадомъ, и сей увѣщеваль меня безпрестанно возлагать надежду мою на премудрость Локманову, по чему сѣтованія мои за его строгость обратятся въ благодарность и удивленіе.

Фируцкай возвратился съ нашими невольниками, рассказалъ намъ, что узда и седло коня, подареннаго мнѣ Королевою, были толь тонкимъ образомъ напоены ядомъ, что каждый прикасающійся къ оному долженъ умереть на томъ же мѣстѣ.

Сіе было мщеніе, примолвилъ онъ, кое обратила она на тебя, за обнаруженіе намѣреній ея противу Везиря; сія была сказанная благодарность за совѣтъ, поданный тобою Королю. Провидѣніе попустило ковь сей, какъ и часто исполняются случаи, въ которыхъ злые сами падаютъ въ ровъ, ископанный ими для другихъ. Принцъ, братъ ея, единая надежда роду ихъ, и собственный ея идолъ, не вѣдалъ о зломъ намѣреніи сестры своей, не нашедъ тебя на назначенномъ мѣстѣ, сѣлъ на несчастнаго коня сего, и пріѣхалъ къ Королевѣ, чтобъ умереть въ глазахъ ея. Отчаяніе ея по открытіи сей ужасной тайны, избавило злополучнаго Короля страданія, изречь самому достойный ея приговоръ.

Позволено ли мнѣ, сказалъ я, возвратиться въ Туранъ, и излить балсамъ дружества въ уязвленное сердце Афрасіаба?

Нѣтъ, отвѣтствовалъ Фируцкай, Афрасіабъ долженъ найти утѣшеніе въ крѣпости своего разума, и въ праведности заключенія небесъ, казнящихъ его за то, что искалъ онъ услажденія въ изступленіи страсти.

Что до тебя касается, то можешь ты, прежде возвращенія въ Немень, осмотрѣть знатнѣйшіе города Парсистана, и продолжать извѣдыванія твои о Сафирѣ; я между тѣмъ возвращусь къ премудрому, донести, что я повелѣнія его исполнилъ.

Слова Фируцкаго открывали мнѣ, что Локманъ оправдаетъ любовь мою къ Сафирѣ, и желаетъ предварить о скоромъ совершеніи моего благополучія. Морадъ принялъ въ сей оживляющей надеждѣ участіе, для того невзирая на удовольствія при дворѣ Туранскомъ, не забыли мы продолжать наши поиски о двухъ оныхъ странствующихъ красавицахъ.

Мы возвратились опять въ Герать, узнать отъ Морадовыхъ невольниковъ, не открыли ли они чего, по коему бы можно было намъ учредить путь нашъ. Мы слышали отъ нихъ, что Азаровъ замокъ обращенъ въ пепѣль, отъ идольскаго огня, который безпрестанно горѣлъ въ ономъ, и что съ того времени о Зороастрѣ, и о Азарѣ ничего не слышно.

Исправя все нужное для нашего пути, отправились мы въ Немень. Шествуя по пространной пустынѣ Нубейдигзиской, раздѣляющей Хоразанъ отъ Парсистана, и къ которой толь много прекрасныхъ государствъ смежно, сбились мы не взначай съ дороги и застигнуты ночью въ густомъ лѣсѣ. Мы

заклучили остановится на томъ мѣстѣ, и ждаты поколь сіяющій глазъ солнца раздѣлитъ страшный мракъ, ища прибѣжища нашего подъ вѣтвями древесъ, простирающихъ между неба и земли частый занавѣсъ.

Невольники наши, утомленные отягощеніями дня, положились на насъ, въ разсужденіи попеченія о утреннемъ днѣ, разослали ковры, и легли спать.

Разумъ нудилъ насъ быть осторожными, что бы не напалъ на насъ какой лютой звѣрь, нашедъ занято логовище свое, въ случаѣ нашей безопасности; долго противились мы власти сна, но тишина ночи, прерываемая только слабымъ шумомъ колеблющихся листовъ, и холодъ зори распространилъ не преодолимую усталость въ наши члены, и затворилъ наши глаза.

Морадъ вкушалъ не возмущаемое упокоеніе, напротивъ мысли мои возбудили во мнѣ чрезъ страхъ и надежду любви безобразныя мечты безпокойныхъ сновидѣній, и воззвали чувства мои болѣзненнымъ образомъ къ обыкновеннымъ исправленіямъ. Разсвѣтъ, блиснувшій мнѣ сквозь сводъ листовъ, открылъ, что уже утро распространило лучи свои по голубому своду неба. Я всталъ испытать, не могу ли я отыскать потерянной дороги; бродя таковымъ образомъ по сторонамъ, вдругъ увидѣлъ я женщину, поспѣшно идущую частымъ кустарникомъ и ко мнѣ приближающуюся. Я пошелъ къ ней встрѣчу; но о!... могу ли я изречь восхищенія сердца моего, когда я увидѣлъ Сафиру, мною вѣчно любимую, безпрестанно оплакиваемую Сафиру, коя безъ завистнаго облака покрывала, явилась мнѣ свѣтлѣѣ утренней звѣзды.

Она казалась нашимъ нечаяннымъ соединеніемъ быть равномерно восхищена; но какъ я приблизился къ ней съ распростертыми руками, удержала она восторгъ любви и радости ихъ, кроткимъ и смущеннымъ, но притомъ радостнымъ взоромъ, и дала мнѣ знакъ въ молчаніи за нею слѣдовать. Какъ я спѣшилъ на крылахъ желанія легкимъ стопамъ ея, то вскорѣ достигли мы малаго возвышенія, окружаемаго въ полмѣсяцѣмъ высокимъ и густымъ лѣсомъ; посрединѣ онаго стояла большая полатка, накрытая къ спокойности въ три ряда сплетенными густыми вѣтвями, нагнутыхъ древесъ.

Царица красоты сѣла на бархатныя подушки, и я палъ къ ней въ ноги и вопіялъ.

Скажи, скажи мнѣ, о божество сердца моего! не долженъ ли я на благополучіе сіе взирать, яко на жителя небеснаго, низпосланнаго ко мнѣ милостію духа хранителя лѣсовъ сихъ, ибо трепеть, лишиться восхитительнаго явленія сего, терзаетъ біющеся мое сердце. Отверзи любовію дышущія уста, и обнадежь меня, что ты дѣйствительно моя Сафира.

Да, любезный Сагебъ, отвѣчала она, я вѣчно твоя, я несчастная дѣвица, кою спасъ ты отъ безвременной смерти, и коей безпомощную невинность пришелъ ты защититъ въ надлежащее время. Но какъ могу я жаловаться на

судьбу мой, когда я съ возлюбленнымъ моимъ не разлучно опять соединена? ибо безсомнѣнія то премудрый Локманъ, на правилъ слезы твои во внутреннее обитаніе мразной тѣни. Ахъ! подтверди надежды мои, скажи, угодна ли ему любовь наша, и не отвергаетъ ли онъ дочь обманутаго человѣка, скончавшаго рядъ свѣтлыхъ дней въ страшной ночи заблужденія.

Во время, когда Сафира сіе говорила, осыпаль я безчисленными поцѣлуями поданную мнѣ руку; сладкое изступленіе привело меня самому себѣ въ забытіе и я не помышляль о томъ, коль бездѣйственно былъ языкъ мой; но всзведъ глаза мои на зарумянившееся лицѣ ея, и видя печаль въ очахъ ея, остановилъ я съ вздохомъ упоющія меня лобзанія, сѣлъ близъ ея, и сказалъ:

Прости мнѣ, прекрасная Лилія неопороченной чистоты! не сомнѣвайся, что Локманъ мою совершенную любовь увѣнчаетъ твоими небесными прелестями. Это не видимое покровительство привело меня къ тебѣ, ты найдешь въ немъ втораго отца.

Случившееся со мною со дня моей съ тобою разлуки, до сего мгновенія, моя восхищенная мысль теперь припомнить не можетъ, и по тому поспѣши ты мнѣ дать знать, какимъ чуднымъ случаемъ нахожу я тебя въ семь дикомъ мѣстѣ, и остаются ли еще трудности къ превозможенію, прежде овладѣнія возвращеннаго моего сокровища.

Я не стану припоминать, многократные удары жестокихъ горестей, претерпѣнныхъ мною въ замкѣ Азаровомъ, сказала Сафира. Твое сожальтельное сердце, безъ сомнѣнія доставило тебѣ печальное о томъ извѣстіе; чтожъ лежитъ до плачевнаго игрища, приготовленнаго тебѣ Зороастрмъ на случай, естли твоя добродѣтель выдержитъ предлагаемое искушеніе, то небо было для меня толь милостиво, что пощадигло меня страха оное видѣть, для того въ мгновеніе, какъ бросился ты на враговъ своихъ, потеряла я употребленіе чувствъ.

Любви достойная Гульруца, которыя дружеское попеченіе возвратило мнѣ жизнь, рассказала мнѣ о ужасной смерти, отъ коей она тебя и Морада набавила. Она уведомила меня, какъ Зороастръ употребилъ машину, сдѣланную перьвыми владѣльцами замка, чтобы въ случаѣ надобности нечаянно исчезать, и какъ одинъ изъ повѣренныхъ его вскрыль потолокъ зала, зажегъ составъ изъ сѣры и другихъ веществъ, и чрезъ то наполниль комнату густымъ дымомъ.

Ненависть моя къ измѣнникамъ увеличиваться уже не могла, но и презрѣніе мое было такъ же велико. Въ таковыхъ мыслей расположеніяхъ, кои склонностію моею къ тебѣ еще умножались, приняла я съ радостію предложеніе Гульруцы, оставить въ ту минуту замокъ, и положиться на защищеніе, кое могла она мнѣ подать, возложя на себя по прежнему мужеское платье. вмѣсто сомнѣнія въ ея чистосердечіи, вливало въ меня прежнее поведеніе ея больше довѣренности, ибо вспыльчивый правъ, рѣдко

дозволяетъ мѣсто холодному виду при обманѣ. Повиновеніе къ родителю моему могло бы быть единымъ въ томъ преткновеніемъ; но родительскія власть не освобождаетъ насъ отъ преступленій противу неба; слѣдственно не простирается до принужденія во ономъ.

Во время, какъ Зороастиръ и Азаръ помышляли о прошедшемъ явленіи, и располагались къ новому, помогаль намъ служитель, который при освобожденія тебя замѣтилъ Гульруцины движенія, такъ же и къ бѣгству, и мы тѣмъ больше могли положиться на ревность его и признаніе, что Гульруца избавила семейство его отъ упадка.

Онъ привелъ насъ къ нѣкому родственнику своему, отличившемуся въ послѣднею войну, и бывшему уже начальникомъ крѣпкаго замка; сей разумно совѣтоваль намъ не оставлять Хоразана, поколь остынетъ злоба враговъ нашихъ, чрезъ тщетные поиски.

Сочтя опасность миновавшею, собрались мы исполнить намѣреніе наше, шествовать въ Іемень, и просить Локманова покровительства. Гульруца накупила невольниковъ для препровожденія и защиты въ толь длинномъ пути; щастливое помышленіе о окончаніи онаго исполняло сердца наши бодрствіемъ и надеждою; понеже, кромѣ спокойства, каждымъ въ палатахъ премудраго вкушаемаго, уповали мы получить тамъ извѣстіе о тебѣ и Морадѣ.

Едва вступили мы въ сію пустыню, напалъ на насъ Азаръ съ толпою невольниковъ своихъ, и Ардеваномъ подлѣйшимъ человѣкомъ и наперстникомъ Зороастровымъ.

Азаръ кричалъ сестрѣ своей о сдачѣ, но она отвѣтствовала великодушно:

Съ охотою послушалась бы я поведенія твоего, естли бы оное до меня одной касалось, не для того, что требованіе твое было оправдаемо, но что могла бы я пощадить жизнь твою: долженствуя же защищать беспомощную невинность, отваживаю я и мою жизнь въ ея оборону.

Дѣйствія Гульруцы соглашались съ словами ея. Она сражалась съ храбростію, которой непріатели наши, невзирая на превосходное число свое, съ трудомъ могли противустать; а я между тѣмъ, удалясь нѣсколько, сѣла на песокъ, удивляясь и трепеща ея отважности.

Хотя Азаръ великое имѣлъ желаніе овладѣть нами, но щадилъ сестру своєю, и обращаль разсѣкающее остріе сабли своей на нашихъ невольниковъ; но несчастнымъ случаемъ промахнулъ онъ ударъ, и ранилъ ее.

Лишь увидѣлъ онъ дражайшую кровь красныиъ ручіемъ ліющуюся, повелѣлъ онъ съ взорами полного замѣшательства невольникамъ своимъ удержаться, и удалился поспѣшно провождаемый подлымъ Ардеваномъ.

Напрасно умоляла я Гульруцу возвратиться въ ближній городъ; она толь пеклася о мнѣ, что едва допустила завязать рану свою моимъ покрываломъ,

и одинъ изъ раненыхъ невольникъ отца моего, умножилъ страхъ ея еще больше,

Онъ разсказалъ намъ о несчастномъ случаѣ, обратившемъ въ пепель Азаровъ замокъ, и принудившемъ Зороастра во избѣжаніе ярости народа, удалиться отъ Хорозани. Онъ прибавилъ къ тому, что Ардеванъ насъ примѣтилъ, и Зороастръ поручилъ ему съ Азаромъ поймать насъ, ибо симъ считалъ противно занятому званію своему, гнаться за двумя женщинами.

Гдѣжъ отецъ мой? вскричала я!

Гдѣ и я скоро буду, отвѣтствовалъ невольникъ, и прошу небо, чтобъ не позналъ я, что мы коварною измѣною обмануты; ибо сію страшную неизвѣстность примѣчалъ я въ боязненныхъ взорахъ господина моего, когда вчерась Зороастръ закрылъ очи его, и въ послѣднія пожелалъ ему вѣчнаго покоя; который, о горе! также ненадеженъ.

Я словами сими поражена была какъ громомъ; Гульруца повелѣла вѣрному служителю, котораго небо по сожалѣнію къ намъ удержало въ живыхъ, посадить меня къ себѣ на лошадь и за ней послѣдовать. Она вела насъ не проходимѣйшими мѣстами сей пустыни, во избѣжаніе новаго нападенія; ибо отъ множества нашихъ невольниковъ осталось только двое, прочіежъ были побиты или бѣжали съ верблюдами.

Мы находились въ плачевномъ состояніи, и Гульруца начала уже терять силы, какъ нашли мы сіе убѣжище: спокойности онаго и съѣстные припасы въ немъ найденные, доказывали, что оно не задолго предъ тѣмъ было обитаемо.

Должность моя къ другу моему, привела меня въ себя, но нѣжныя мои старанія не успѣвали. Рана ея показала огорченному взору моему синеватый огонь: жестокая лихорадка воспалила кровь ея; и всѣ признаки скорого конца ея открылись пораженному моему духу.

Я повелѣла вѣрному нашему служителю итти искать въ баижнихъ хижинахъ искуснаго врача. Но хотя онъ вчерась еще пошелъ, но не успокоилъ скорби моей прибавляющеюся опасностію Гульруцы. Вставши очень рано, и не помышляя о собственной безопасности, бѣгала я по лѣсу равно какъ бы острота нетерпеливости могла ускорить желаемымъ мгновеніемъ.

Увидѣвъ тебя издали, не сумнѣвалась я, чтобъ не былъ ты, коего прибытія я толь ревностно желала, и ахъ сколь много я сверхъ ожиданія моего обрадована, свидѣтельствуешь то восхищеніе мое при нашей не ожидаемой встрѣчѣ.

Однако жъ въ самое мгновеніе сіе, восторгъ любви не изгоняетъ страхъ и печаль изъ сердца моего. Для того; что слышала я топотъ конскій и голоса людей, по чему и опасаюсь прибытія непріятелей. Увы! когда лишь вспомню Гульруцу великодушную, для меня умирающую Гульруцу, какъ можно истребить образъ таковой изъ благодарной души?

Сказавъ сіе, живѣйшія слѣзы чувствительности оросили лице ея; тако орошаетъ чистѣйшая роса во ясное утро, украшенную живыми цвѣтами розу тщетно желало пожигающее солнце любви моей привлечь къ себѣ сіи драгоцѣнныя капли, облако почтенія препятствовало мнѣ въ томъ.

Невольница, служащая Гульруцѣ, сказала намъ, что мастичныя крыла сна простерты еще надъ сею истлѣвающею красотою. И такъ остались мы еще нѣсколько быстрыхъ часовъ въ общемъ жилищѣ взаимно привлекающихся душъ; во вскорѣ увѣдалъ я, что, когда мы въ мгновеніе услаждающаго благополучія жалуемся на время, что оно скоро убѣгаетъ, часто выходитъ, что оно довольно достаточно было, возградить мрачное строеніе нещастія.

Не успѣлъ я войти въ безмолвную и пѣчальную полатку, гдѣ лежала распростерта Гульруца на постелѣ, составленной изъ добычи дикихъ звѣрей, какъ уязвленная дѣвица, старалась прозвѣсть слабымъ голосомъ слѣдующее.

Подступи ближе, любезный Сагебъ, и пріими Сафиру твою отъ руки тоя, коей нервы трепещутъ при начинающейся смерти; но коя довольно имѣла силъ, сдержать слово свое, и сохранить тебѣ твою возлюбленную. Награди мое дружество, и выполненіе моей должности, извѣстіемъ, что Морадъ благополученъ, ибо ты конечно не оставилъ его въ ненастномъ или безъ извѣстномъ состояніи.

Слова сіи повергли меня въ замѣшательство, которое еще умножилось, когда Гульруца, на увѣдомленіе данное мною ей о времени и мѣстѣ, гдѣ оставилъ я Морада, вскричала:

О ты сильная власть любви! когда твердый дубъ премудрости колеблется отъ крѣпкаго дыхновенія твоего, удивительноль, что слабая трость отъ онаго ломается; однакожь дружеству нѣтъ на тебя недостатка въ оружіи. Засвидѣтельствуешь то великодушный мужъ, оставленный другомъ въ опасности, который побѣдилъ ея приманичивости.

Да, Сагебъ, продолжала она нѣсколько спокойнѣе, дозволенное восхищеніе любви, при найденіи преизящной Сафиры, не оправдаетъ тебя, что ты на столько часовъ не благодарно забылъ о своемъ другѣ. Помысли только о мучительныхъ заботахъ, кои Морадъ для тебя терпитъ, и заключай самъ.

Что можетъ добронравный умъ возразить противу приличнаго укоренія?... Я молчалъ... оставилъ въ тужъ минуту шатерьъ, и едва задержанъ былъ Сафирою, коя принудила меня взять Гульруцину саблю, ибо оставилъ я свою вставая тихо отъ спящаго Морада.

Бичъ раскаянія гналъ меня къ заслуженному наказанію, которое меня ожидало.

Приближась къ нещастному оставленному мною по утру мѣсту, кликалъ я громко Морада, но боязненное молчаніе господствовало окрестъ меня, и

умножало ужасающее сомнѣніе, по коль обратилось оно въ страшную подлинность.

Тѣла невольниковъ нашихъ и другихъ не знакомыхъ людей, покрывали не приятный полъ, котораго сухой песокъ омоченъ былъ кровію. При семъ страшномъ взорѣ распространило мрачное отчаяніе новую тѣнь темноты въ глазахъ моихъ; нѣсколько стоялъ я недвижимъ, на конецъ палъ съ боку одного нашего невольника, котораго сильный стонъ возбудилъ мои чувства, сей схватилъ мой руку и прерывающимся голосомъ сказалъ;

О Государь откуда пришелъ ты... бѣги, освободить твоего друга... мы сражались съ безбожнымъ Зоростромъ... Азаръ... Морадъ раненъ... и... увезенъ...

Произнеся сіи преломленные слова, онъ скончался. Я благословилъ разлучившуюся душу его за сіе извѣстіе, ибо оно утѣшило меня, что Морадъ еще живъ; я могъ его избавить или вмѣстѣ умереть.

Хотя пропасть бѣдствія, взирающимъ во оную съ края ея, ужасно крута кажется, но постепенно можно сойти во оную, и она суть толикожь отдохновенія несчастнымъ, имѣющимъ необходимость быть на дно прошла.

И такъ вдохнулъ я нѣкую надежду, поколь не опровергся въ превозмогшую бѣдность. Я оставилъ звѣрямъ дикимъ ужасную жертву, коею снабдили ихъ толь избыточно лютою человеческая. Я слѣдовалъ кровавыми слѣдами до наступленія ночи, поколи потерялъ я сего плачевнаго проводника изъ взоровъ, и коего потомъ найти не могъ; когда по принужденной и безпокойной недѣйствительности при началѣ дня вступилъ въ мой поискъ.

Солнце склонилось уже къ западу, какъ я отъ таковой продолжительной не описанной грусти, и великаго отягощеніе ослабѣвъ, ощутилъ себя не подалеку отъ шатра Сафирина.

Въ пораженіи моемъ не примѣтилъ я, что запутанныя кривизны лѣса обманули меня и привели назадъ тою же дорогою; но по склонности человеческого ума, каждый нечаянный случай по желаніямъ своимъ толкующій, взиралъ я на приключеніе сіе, яко на особое наклоненіе провидѣнія, что можетъ по смерти Гульруцы, Сафиръ помощь моя болѣе нужна, чѣмъ Морадъ, коего слѣды утратилъ и таковымъ несчастнымъ образомъ.

Помышленіе сіе оживило мои силы, а спѣшилъ въ шатеръ, но можно ли описать трепетъ, объявшій сердце мое, когда примѣтилъ приломанный кустарникъ и на недавно цвѣтшемъ мѣстѣ слѣды конскихъ ногъ.

Дрожащими шагами вшелъ я во внутренность шатра, но вмѣсто Гульруцы и Сафиры, нашелъ я только части ихъ одеждъ, разбросанныя по землѣ.

Душа моя омертвѣла при воображеніи страданія ихъ ожидающаго; и тѣло мое казалось на вѣки соединяющимся къ начальному существу своему землѣ.-- --

Сагѣбъ остановился на семь мѣстѣ своего повѣствованія, какъ человѣкъ послѣ тяжелой работы пріемлющій отдохновеніе, и Цериръ выразилъ движенія своего состраданія повторенными вздохами.

Въ то мгновеніе возвѣстили о присланномъ отъ премудраго, который и введенъ по Сагѣбову повелѣнію. Церировы щеки вспыхнули гнѣвомъ при взглядѣ на него, онъ вскричалъ:

Ты безстыдный невольникъ, который въ палатахъ Локмановыхъ смѣялся моей печали, и за которымъ погоня подвергла меня и брата моего въ опасность жизни?

Такъ Царевичъ, я, отвѣтствовалъ невольникъ, въ коего лице нарушилъ ты законы страннопріимства: во какъ теперь уже я не буду принуждаемъ ко удовольствованію твоихъ дерзкихъ вопросовъ, то скажу тебѣ, что ты за честь свой и труды очень скоро найдешь Принцессу Перизаду.

Чего хочешь сей мальчишка?.. Вскричалъ Цериръ, на больше ничего не вымолвилъ. Взглядъ Сагѣбовъ наложилъ на него молчаніе, а онъ удалился въ свой комнату.

Такъ можетъ не спокойный нравъ обузданъ быть силою примѣровъ: но тотъ, который сообщаетъ наставленіе, долженъ какъ Сагѣбъ быть чувствовавшимъ сильнѣйшія вліянія страстей, дабы тѣмъ возвысить цѣну добродѣтели, ибо хладное начертаніе не испытанныхъ опасностей, не можетъ возбуди́ть разума въ сердцахъ на разсудительной юности.

Конецъ первой части.